

ОУИ НБ МГУ №12-13

Маяковский в слезах, Хлебников на дуэли, Пастернак против Мандельштама, футуристы в салоне Лили Брик — Шкловский о людях будущего

<http://oralhistory.ru/talks/orh-12-13>

🎙 14 июля 1967

Собеседник

Шкловский Виктор Борисович

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 14 июля 1967 и опубликована 25 октября 2016.

Введение

В первой беседе Виктор Шкловский рассказывает о знакомстве с Маяковским в 1912 году. В то время у поэта не было зубов, и это придавало его скулам характерный вид. В рассказе Шкловского возникают другие футуристы — Велимир Хлебников, который при знакомстве занял двадцать копеек, Давид Бурлюк («антрепренер») и, конечно, Лиля и Осип Брики. Во второй части беседы — рассуждения о Борисе Пастернаке, Велимире Хлебников и Осипе Мандельштаме. Подробнее о беседах Дувакина со Шкловским читайте во [вступлении Владимира Радзишевского ко всему корпусу бесед](#) и подробных комментариях к текстам.

Знакомство с Маяковским

Виктор Дмитриевич Дувакин: Пятница, 14 июля 1967 года. О Маяковском рассказывает Виктор Борисович Шкловский.

Виктор Борисович Шкловский: Я с Владимиром Владимировичем познакомился на Невском проспекте, угол Николаевской, на выставке «Союза молодежи»*. «Союз молодежи» издал журнал – журнал «Союза молодежи», там был напечатан Хлебников – «Разговор учителя и ученика»** . Там <на выставке> был Клюн, Потипака, Школьник. Не помню, был ли на этой выставке Малевич***. Это была очень бедная выставка. Не было денег на табуретки между столами.

* «Союз молодежи» – объединение художников-авангардистов (1909–1913). В Петербурге «Союз молодежи» провел 5 выставок. Здесь речь о 4-й выставке (4 декабря 1912 – 10 января 1913), устроенной на Невском проспекте, в доме № 73/2, в пустовавшей квартире. Николаевская улица – с октября 1918 г. улица Марата. (Здесь и далее — комментарии В.В. Радзишевского.)

** В 1912–1913 гг. «Союз молодежи» выпустил 3 одноименных сборника. Работа Велимира Хлебникова «Учитель и ученик. О словах, городах и народах. Разговор», впервые вышедшая отдельным изданием (Херсон, май 1912), была перепечатана с авторскими сокращениями и исправлениями в 3-м выпуске «Союза молодежи» (СПб., март 1913).

*** Иван Васильевич Клюн (настоящая фамилия – Клюнков, в 1911–1913 псевдоним – Клюнов; 1873–1943) не участвовал в этой выставке. Но там был его портрет работы Казимира Малевича. Художник-любитель П.Д. Потипака выставил картину «Земля», отмеченную смешением стилей, эскиз «Женщины», рисунки, стилизованные под лубок. Иосиф Соломонович Школьник (1883–1926) – график и декоратор, один из создателей «Союза молодежи», участник всех его выставок – показал серию работ, выполненных под влиянием Анри Матисса. Казимир Малевич был представлен картинами «В поле», «Косарь», «Плотник», «Портрет Ивана Васильевича Клюнкова», «Жатва», «Крестьянские похороны». Среди проданных на выставке картин были работы Потипаки, Школьника и Малевича.

В.Д.: Значит, это год 12-й?

В.Ш.: Год 12-й. Надо было проводить электричество. Вот я туда пришел (а я был в это время... ну, я не знаю, кто я был... студент, вероятно, был)* и увидел молодого человека, в черной бархатной куртке, истертой, довольно длинной, по колено, волосы длинные, назад**. Это так, как выглядел Маяковский на рисунках Чекрыгина. Ну, несколько вдавленные щеки***.

* К этому времени, в 1912 г., Шкловский окончил частную гимназию Н.П. Шеповальникова и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета.

** Очень похоже описывала юношу Владимира Маяковского в 1932 г. жена Давида Бурлюка, Мария Никифоровна: «Он был одет в бархатную черную куртку, с отложным воротником. Шея была повязана черным фуляровым галстуком; косматился помятый бант; карманы Володи Маяковского были всегда оттопыренными от коробок с папиросами и спичками» (В. Катанян. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. 5-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1985. С. 60). В этой куртке Маяковский снялся в Москве в 1912 г. вместе с товарищем по студии П.И. Келина, Леонидом Кузьминым (см.: Л.Ф. Волков-Ланнит. Вижу Маяковского. М.: Искусство. 1981. С. 48).

*** Весной 1913 г. Маяковский вместе с товарищами по Училищу живописи, ваяния и зодчества Василием Чекрыгиным и Львом Шехтелем подготовил к печати свой первый стихотворный сборник «Я!». Чекрыгин переписал стихи на литографской бумаге особыми литографическими чернилами и сделал четыре рисунка. Но портрет Маяковского, акцентируя «несколько вдавленные щеки», выполнил Шехтель (см.: В.В. Маяковский. Полное собрание произведений: в 20 т. Т. 1. Стихотворения. 1912–1923 / подгот. текстов и коммент. Р.В. Дуганова, А.Т. Никитаева, А.П. Зименкова, В.Н. Терехиной. М.: Наука, 2013. Вклейка между с. 128 и 129).

Маяковский. Москва, 1912. Из коллекции Л.Ф. Волкова-Ланнита. ГММ. © Государственный музей В.В. Маяковского

В.Д.: Ах, вот как.

В.Ш.: У него, очевидно, еще не были вставлены зубы*. У Володи были зубы плохие.

* Алексей Крученых, познакомившийся с Маяковским в самом начале 1912 г., вспоминал его тогдашнего: «Рот у него был слегка завалившийся, почти беззубый, так что многие знакомые уже тогда звали его в шутку “стариком”» (Алексей Крученых. Наш выход: Автобиография дичайшего; Наш выход; Живой Маяковский / сост. и вступ. ст. Р.В. Дуганова; коммент. его же, А.Т. Никитаева и В.Н. Терехиной. М.: РА, 1996. С. 44). Зубы Маяковский вставил по настоянию Лили Юрьевны Брик, а с нею он познакомился только в конце июля 1915 г.

В.Д.: Он их рано потерял?

В.Ш.: Рано потерял. Ярко обозначенные скулы. Спокойный. У него была картина, которую он выставил (кажется, она сейчас у Лили Брик*), она была написана зеленым по зеленому (кажется, темпера), несколько отбеленной зеленью, изображала она даму в большой шляпе с такими полями. Шляпа как будто фетровая. Кто была эта дама – не знаю**. Значит, это был художник среди художников. Он посмотрел картины, не очень их одобрял. На меня он тогда произвел впечатление довольно правого художника, сравнительно с другими, то есть он мог бы представлять... ну, скажем, «Бубновый валет»***, а не то, что называется «дикие»****. Тут мы с ним познакомились...

- * Лиля Юрьевна Брик (до замужества – Каган; 1891–1978; покончила с собой) – избранница, спутница жизни и адресат лирики Маяковского. В 1912 г. вышла замуж за О.М. Брику и не рассталась с ним до его смерти, хотя, по ее словам, их супружеские отношения прекратились еще до близкого знакомства с Маяковским в июле 1915 г. Женой Маяковского считала себя с 1918 г. Когда же и эти супружеские отношения были ею прерваны, Маяковский, как и Осип Брик, не уходил от нее, все трое продолжали жить в одной квартире. В предсмертном письме-завещании Маяковский включил Лилию Брик (вместе с матерью, сестрами и последней пассией – Вероникой Витольдовной Полонской) в состав своей семьи, написал: «Лилия – люби меня» и распорядился передать начатые стихи Брикам: «они разберутся» («В том, что умираю, не вините никого»?.. следственное дело В.В. Маяковского: документы; воспоминания современников / вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент. С.Е. Стрижневой. М.: Эллис Лак 2000, 2005. С. 39, 40; 45).
- ** В каталоге выставки «Союза молодежи» значится «Портрет Р.П. Каган» работы Маяковского. Сам портрет известен только по воспоминаниям. Автор привез его из Москвы в Петербург в середине ноября 1912 г. После выставки он затерялся.
- *** «Бубновый валет» (1911–1917) – объединение художников (Петр Кончаловский, Александр Куприн, Аристарх Лентулов, Илья Машков, Василий Рождественский, Роберт Фальк и др.), отрицавших традиции не только академизма, но и реализма XIX в., а ориентировавшихся главным образом на открытия современной западной живописи (сезаннизм, кубизм, фовизм).
- **** «Дикие» для Шкловского – это те художники-бунтари, которые выделялись левизной даже в новаторской художественной среде. «Комнаты диких» появились на выставках «Мира искусства». Затем «дикие» ушли из «Бубнового валаета». Из их числа в воспоминаниях Шкловского названы Михаил Ларионов, Наталья Гончарова и Казимир Малевич (Виктор Шкловский. Жили-были: Воспоминания; Мемуарные записи; Повести о времени: с конца XIX в. по 1962 г. М.: Советский писатель, 1964. С. 81, 82).

В.Д.: Вас кто-нибудь знакомил?

В.Ш.: Я не помню.

В.Д.: Вообще, простите, вам будет мешать, если я буду походя вопросы задавать?

В.Ш.: Пожалуйста. Не очень. А я до этого видал Володю на диспутах, на которых и я выступал*, в таком длинном студенческом сюртуке, который мне достался от брата, кончившего университет**, и Маяковский тогда выступал блистательно, превосходным голосом. Читал он такие стихи:

У-

лица.

Лица

у

догов

годов

рез-

че***.

- * Выступить на диспутах Маяковский начал в 1912 г. До открытия четвертой выставки «Союза молодежи» он выходил на эстраду трижды: 25 февраля в Москве, в Большой аудитории Политехнического музея, на втором диспуте «О современном искусстве», устроенном «Бубновым валетом»; 17 ноября в Петербурге, в литературно-артистическом подвале «Бродячая собака», с чтением стихов; следом, 20 ноября, в Троицком театре миниатюр с докладом «О новейшей русской поэзии». Участие Шкловского в диспутах вместе с Маяковским относится к более позднему времени.
- ** Об этом сюртуке Шкловский уже писал неоднократно. Например, так: «Одев специальный костюм: диагоналевые зеленые толстые штаны и сюртук зеленого цвета с золотыми пуговицами, я вошел в университет. Сюртук этот уже раз кончил университет и много танцевал на моем старшем брате. Мой брат танцевал так, что часы в его кармане ржавели, но сюртук не изменился. Я продал его потом в 1919-м году на Мальцевом рынке, против красного здания Евангелической больницы. Надеюсь, он сейчас кончает рабфак» (В. Шкловский. Третья фабрика. М.: Круг, 1926. С. 32–33). Или так: «Студенты ходили по коридору, одетые в зеленые диагоналевые штаны, рубашки, тужурки. Крахмального белья и сюртуков мало. Я носил тогда тужурку, но в качестве парада надевал зеленый сюртук брата прямо на ночную рубашку. Этот сюртук один раз уже кончил университет. Горький звал его потом пожарным мундиром. Сюртук в 1919 году на Мальцевском рынке был выменян на муку и соль» (Виктор Шкловский. Жили-были. С. 86–87). Брат – Владимир Борисович Шкловский (1889–1937) – окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1910 г. Сразу же стал преподавать французский язык в Петербургской Духовной академии. В 1920–1922 гг. – преподаватель Петроградского Богословского института. Переводчик Данте. В самом начале 1923 г. приговорен к двум годам ссылки в Архангельскую область. Впоследствии – доцент Ленинградского университета. Арестован 18 октября 1937 г. и 24 ноября расстрелян.
- *** Начало стихотворения «Из улицы в улицу» (1913). См.: В.В. Маяковский. Полное собрание произведений: в 20 т. Т. 1. С. 11.

В.Д.: Вы помните это чтение? Он чеканил или плавно читал?

В.Ш.: Он не чеканил, он не чеканил. Он читал, не чеканил, ну, там... где «рез-че» и «че-рез»*... Стихи были по тому времени не самые крайние.

- * Отсылка к тому же стихотворению: Лица / у догов / годов / рез- / че. / Че- / рез железных коней / с окон бегущих домов / прыгнули первые кубы.

Ну, мы несколько раз встречались с Володей на диспутах. Маяковский тогда превосходно выступал, превосходно спорил. Рядом ходил с ним в казенной фуражке с кокардой учитель рисования из Одессы... этот самый... Крученых*, всегда ходил в фуражке, только я забыл, какой у нее был околыш**.

- * Алексей Елисеевич Крученых (1886–1968) окончил Одесское художественное училище (1906) и получил диплом учителя графических искусств средних учебных заведений.
- ** Казенная фуражка, очевидно, никак не вязалась с крайне анархическим поведением Алексея Крученых, поэтому Шкловский уже обращал внимание на нее: «Крученых ходил в чиновничьей фуражке <...>» (Виктор Шкловский. О Маяковском. М.: Советский писатель, 1940. С. 55). А цвет околыша, возможно, понадобился Шкловскому, чтобы обыграть фразу из «Автобиографии дичайшего» (1928) Алексея Крученых: «Помню такой случай: встречает меня в магазине один из пострадавших дворян в желто-гусарском "околыше" и угрожает <...>» (Алексей Крученых. Наш выход. С. 16).

Тогда же я познакомился с Хлебниковым на одном выступлении. Тогда нас не удивляло это, но он у меня занял двадцать копеек*. Хлебников был в длинном черном сюртуке, застегнутом на все пуговицы, худой, белокурый, спокойный, замкнутый. И такой нарядный, толстый одноглазый Давид Бурлюк, немножко антрепренер**.

- * Для ориентации в деньгах: в 1913 г. в Москве курица стоила 70 копеек, рябчик – 40, как и фунт (409 г) сыра, фунт свинины – 10, бутылка молока – 8, буханка хлеба – 4, яйцо, соленый огурец и яблоко – по 3 копейки, луковица шла по копейке.
- ** Давид Давидович Бурлюк (1882–1967), один из лидеров литературно-художественного авангарда, энергичный организатор, закрепивший за собой титул «отца русского футуризма», был старшим сыном в большой и сплоченной семье Бурлюков. Потерял левый глаз в детстве. Это увечье случайно нанес ему один из братьев, забавляясь игрушечной пушкой. Одноглазость приятеля неоднократно обыгрывалась Маяковским: Подняв рукой единый глаз, / кривая площадь кралась близко (Полное собрание произведений: в 20 т. Т. 1. С. 10); Я одинокий, как последний глаз / у идущего к слепым человека! (Там же. С. 20); ...сквозь свой / до крика разодранный глаз / лез, обезумев, Бурлюк (Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. 1912–1917 / подгот. текста и примеч. В.А. Катаняна. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 186).

В.Д.: Он казался нарядным?

В.Ш.: Сравнительно нарядным, хотя у него брюки были внизу обтрепаны, был он с лорнетом, немножко снобический, спокойный художник, теоретик такой. Я-то тесно был связан с /нрзб./ через Василиска Гнедова, который потом был коммунистом (он сейчас жив), он брал дом на углу Никитской, участвовал в Московском восстании, потом отсидел, сейчас живет в Киеве. Василиска Гнедова надо записать*.

- * Василиск (Василий Иванович) Гнедов (1890–1978) — радикальный авангардист, участник кружка эгофутуристов. Автор «Поэмы Конца» (1913), в которой, кроме названия, не было ни одного слова, ни даже какого-либо знака. Исполняя ее, автор только варьировал жесты. О Гнедове Шкловский ранее рассказывал: «Был еще в полотняной куртке Василиск Гнедов, написавший собрание сочинений страницы в четыре. Там была поэма "Буба-буба". На этом она и кончалась. Была у него еще поэма конца – она состояла из жеста рукой крест-накрест. Стихи Гнедова – стихи талантливого человека. Как и все мы, он был очень беден, носил чужие сапоги. Вымывшись, сидел в бане долго, часами. Потому что нога разогревалась и чужой сапог на нее не налезал» (Виктор Шкловский. Случай на производстве // Стройка. 1931. № 11. С. 6). Четыре страницы были в сборнике Василиска Гнедова «Гостинец сентиментам. Ритмеи» (СПб.: «Петербургский глашатай» И.В. Игнатъева, 1913). Семь страниц – в сборнике «Смерть искусству. Пятнадцать (15) поэм» (Там же, тогда же). Поэма 9 в этом сборнике была озаглавлена «Бубая горя» и содержала, помимо заглавия, три слова: «Буба. Буба. Буба». Последней, 15-й была «Поэма Конца». В 1915–1916 гг. Гнедов воевал. Участвовал в обеих революциях 1917 г. В мемуарах «Третья фабрика» Шкловский пишет: «Василиск Гнедов дрался у Никитских ворот тогда, когда боем сносили там дом. Онемел на стихи» (с. 50). В этом доме, стоявшем на стрелке Тверского бульвара, где сейчас памятник К.А. Тимирязеву, помещалась аптека. О том, как она была сожжена в ходе боев между наступающими от Страстной площади и с Малой Никитской красногвардейцами и залегшими на площади Никитских Ворот юнкерами в конце октября 1917 г., рассказывает К. Г. Паустовский в «Повести о жизни» (Кн. 3. Начало неведомого века. Гл. «Синие факелы» // Константин Паустовский. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 585–590). После 1918 г. Гнедов отошел от околосредственных дел, хотя стихи продолжал писать. Окончил Харьковский технологический институт, работал инженером. С 1925 г. состоял в ВКП. В 1936 г. был репрессирован и около двух десятилетий провел в лагерях.

«Кофта фата»

Теперь я говорю про книгу, которая не вышла у Маяковского. Ее должен был издать Ясный*.

- * В начале июня 1915 г. была подготовлена к изданию, но так и не вышла книга Маяковского «Для первого знакомства». Издать ее намеревался Владимир Михайлович Ясный, сын купца 1-й гильдии Михаила Авраамовича Ясного, который в 1914 г. приобрел издательство М.В. Попова. Книги у нового хозяина – выходили под маркой «Книгоиздательство б. М.В. Попова (влад. М.А. Ясный)». В 1918 г. это уже «Издательство В.М. Ясного». Летом 1917 г. Маяковский составил сборник «Кофта фата: всякая ерунда» и предложил В.М. Ясному. Сборник был набран, но напечатан не был.

В.Д.: Кто?

В.Ш.: Ясный. Ясный. Такой был человек.

В.Д.: А! Этот Ясный потом издал свою книжку: «...и Ясный»*.

* Авторских книг самого В.М. Ясного обнаружить не удалось. Но в том же 1918 г., – который стоит на титульном листе так и не вышедшей книги Маяковского «Кофта фата», – «Издательство В.М. Ясного» выпустило два знаменитых альбома Бориса Григорьева: «Расея» и «Intimité» («Интимность»). На титульном листе первого вслед за автором и названием добавлено: «Текст П.Е. Щеголева, Н.Э. Радлова, Бориса Григорьева», на титульном листе второго – «Текст Всеволода Дмитриева, Всеволода Воинова». И на обоих листах в названии издательства присутствует В.М. Ясный.

В.Ш.: Да, «...и Ясный». Он должен был издать книгу «Кофты фата»... «Кофты фата». Там была кофта желтая, была кофта черная* – разные души Маяковского:

О, как великолепен я

в самой сияющей,

*из моих бесчисленных душ!***

* Шкловский умножает заглавие сборника Маяковского: вместо «Кофта фата» говорит «Кофты фата», суммируя названия разделов: «Пестрая кофта», «Домашняя кофта».

** Из поэмы «Война и мир» (1915–1916). См.: Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. С. 239.

Маяковский как бы был не только в разных жанрах, но он был разно выполнен (?).**

* В книге «О Маяковском» Шкловский рассказывал: «Обещался издать раз Ясный. Маяковский даже собрал книжку. Она называлась "Кофта фата". Последняя дата на верстке была 1918 год. Но и тогда книга не вышла. Книга была маленькая, делилась на кофту оранжевую, голубую и т. д. Это – душа в разных одеждах» (С. 72–73).

В.Д.: Эту книжку должен был издать Ясный, «Кофту фата»?..

В.Ш.: Да-да.

В.Д.: ...или «Для первого знакомства»?

В.Ш.: Нет, «Кофту фата», во всяком случае, он должен был ее...

В.Д.: Потому что «Кофта фата»... есть корректура 1918 года*. Вот почему я переспрашиваю.

* Корректурный оттиск сборника «Кофта фата» (1918) находится в РГАЛИ. От корректуры сборника «Для первого знакомства» (1915) осталось только пять гранок, сохранившихся у К.И. Чуковского, который собирался писать предисловие к этому сборнику.

В.Ш.: «Кофта фата». Мы ее потом нашли с Харджиевым* на Гендриковом переулке и украли, потому что она была в незакрытом шкафу на лестнице**. Я хочу <сказать> про историю этой самой кофты. Эта черная кофта, в которой выступал Маяковский***, – это был костюм экстернов, рабочих-интеллигентов, типографщиков, которые не имели денег на костюм. Это не то, что – толстовка, и не то, что – костюм художника. Это костюм молодого рабочего, молодого рабочего-партийца.

* Николай Иванович Харджиев (1903–1996) – маяковист, хлебниковед, текстолог; искусствовед; собиратель и первоклассный знаток русского авангарда.

** Отдельная квартира Маяковского и Л.Ю. и О.М. Бриков в Гендриковом переулке (сейчас – пер. Маяковского, д. 15/13) была на втором этаже. Перед входной дверью, на лестничной площадке второго этажа, стояли запертые висячими замками от жильцов из соседней квартиры два шкафа-отстойника для книг, которые еще могли понадобиться.

*** Речь о той самой «черной бархатной куртке», в которой увидел Маяковского Шкловский на выставке «Союза молодежи».

В.Д.: А не художника?

В.Ш.: Нет, художники носили с бантиком.

В.Д.: И у него бантик был*.

* Действительно, на фотографиях 1910 г. Маяковский запечатлен в этой блузе с бантом.

В.Ш.: Да, это было все-таки... /нрзб./ Это были так называемые итальянцы... Я, кажется, об этом писал... Это наборщики, которые работали в среду, четверг, пятницу, субботу, а в понедельник, вторник они пили или занимались где-нибудь. У Володи была свободная, ироническая манера... Свободно себя держал

/нрзб./, но очень демократично и не по-художнически.

В.Д.: В чем?

В.Ш.: В манере... Так как я сам сдавал экстерном, я эти обломки революции, которые пытались всплыть, из тюрем были выпущены... У моего отца были вечерние курсы для взрослых*. Я этих людей очень хорошо знал.

* Отец – Борис Владимирович Шкловский – окончил четырехклассное реальное училище, учился в Технологическом институте, затем в Лесном. Ни тот, ни другой не закончил, но получил звание уездного учителя математики. Устроил упомянутые «курсы для взрослых» по математике, где был единственным преподавателем. «...Любого тупицу он мог подготовить к вступительному экзамену в любое учебное заведение, и ученики никогда не проваливались. В этом и заключалась его профессия – натаскивать тупиц» (Николай Чуковский. О том, что видел. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 527). После революции преподавал на Высших артиллерийских курсах.

В.Д.: Пострадавших в революционной работе, вы имеете в виду?

В.Ш.: Пострадавшие или выбитые из жизни, приехавшие для образования /нрзб./

В.Д.: Вы в этом смысле говорите?

В.Ш.: Да. Ну, я потом убедился, что Маяковский очень хорошо знает популярную марксистскую литературу, ту, которую когда-то издавала «Донская речь»*, не то, что «Капитал» Маркса, но вот эту ходовую литературу того времени... И вообще его манера спора – это не художническая манера, это манера спора, которая пришла из большой аудитории партийной, сбиваемая: меньшевики с большевиками, большевики с эсерами, /нрзб./, реплика, сшибать, работать на публику. Не на человека, которого вы убеждаете, а на аудиторию.

* «Донская речь» – ростовское, а затем и петербургское книжное издательство демократической ориентации (1903–1907), принадлежавшее крупному предпринимателю Н.Е. Парамонову. Наряду с книжками по истории и произведениями современных русских и зарубежных писателей «Донская речь» выпускала в большом количестве тоненькие, 20–30-страничные брошюры общественно-политического содержания. В частности – популярные работы Карла Маркса, Августа Бебеля, Фердинанда Лассаля, Карла Либкнехта. За неполные пять лет было издано свыше пятисот книг и брошюр. Издательство закрылось, когда самого Парамонова и его компаньона А.Н. Сурата привлекли к суду за то, что их издания возбуждают неуважение к власти и призывают к свержению государственного строя.

” Значит, желтая кофта – она... По цвету она футуристическая. Футуристы его ввели как цвет танго. Это был желтый цвет – цвет танго, модный цвет того времени.

В.Д.: Так называлось? Цвет танго?

В.Ш.: Да.

В.Д.: Как-то связано было и с появлением танца.

В.Ш.: Да, но... Появился желтый цвет, несколько красноватый... Он был модный. У Маяковского было две кофты: желтая и желтая с черными полосами*. Они были домашней работы, не очень хорошо сшиты. Причем, так как они были тонкие, то брюки, черные, были сквозь них видны. Это было... если не рабочий костюм /нрзб./, они были немножко /нрзб./. На Маяковском... Маяковский был худой, широкоплечий и плоскогрудый, немножко грузинского телосложения**. Он был: большой торс, слегка короткие ноги, довольно длинные руки.

* Желтую кофту с черными вертикальными полосками и отложным воротником можно увидеть на фотографии Маяковского в группе товарищей-футуристов (Алексей Крученых, Давид и Николай Бурлюки, Бенедикт Лившиц). Снимок сделан в 1913 г. (см.: В.В. Маяковский. Полное собрание произведений: в 20 т. Т.1. Вклейка между с. 128 и 129).

** Это – метафора. Маяковский родился в Грузии, но в роду у него грузин не было.

Футуристы

Я не то что дружил с футуристами, но выступал с ними. Я готовил книжку, которая называлась «Воскрешение Слова»*. Она вышла в 14-м году, но у меня /нрзб./. Она интересна тем... это маленькая книжка, (?) издат...

* 23 декабря 1913 г. в «Бродячей собаке» Шкловский выступил с докладом «Место футуризма в истории языка». Доклад лег в основу 16-страничной брошюры, изданной в следующем феврале: Виктор Шкловский. Воскрешение Слова. СПб.: тип. З. Соколинского, 1914. И тогда же, 8 февраля 1914 г., автор прочитал в Концертном зале Тенишевского училища доклад «Воскрешение вещей», основанный, судя по тезисам из печатной программки, на этой брошюре.

В.Д.: Видел я ее.

В.Ш.: Она – первая книга об абстрактном искусстве, о живописи абстрактной, я думаю, может, даже первая в мире*. Когда-то ко мне приехал хранитель Королевской библиотеки, из Копенгагена автор, во время венгерских событий**. Он был, специальность его была – заумная речь. И он, значит, приехал /нрзб./, зная вот только эту книжку. Теперь я так подробно говорить не буду.

* Впрямую об абстракционизме в «Воскрешении Слова» Шкловский не заговаривает. Речь у него о том, что слова и даже целые сочинения, изначально будоражившие воображение, поражающие остротой, от многократных повторов тускнеют, теряют образность, не задают больше. И задача искусства оживить их, вернуть им свежесть. Возможно, что, отвергая старое искусство и ратуя за новое, автор в подтексте намекает на беспредметную живопись, которая лишь недавно заявила о себе: «Сейчас старое искусство уже умерло, новое еще не родилось; и вещи умерли, – мы потеряли ощущение мира; мы подобны скрипачу, который перестал осязать смычок и струны, мы перестали быть художниками в обыденной жизни, мы не любим наших домов и наших платьев и легко расстаемся с жизнью, которую не ощущаем. Только создание новых форм искусства может возратить человеку переживание мира, воскресить вещи и убить пессимизм» (Виктор Шкловский. Воскрешение Слова. С. 12).

** Речь о вооруженном восстании против просоветского режима в Венгрии, подавленном советскими войсками (23 октября – 9 ноября 1956 г.).

Я знал и Давида Бурлюка, и Николая Бурлюка, и Владимира Бурлюка*, и Хлебникова, который тогда напечатал уже вот этот список годов о крушении государств, /нрзб./, и который кончался: «Некто 1917». Он это несколько раз напечатал, во «Взяле» напечатал...

* Николай Давидович Бурлюк (1890–1920) – младший из Бурлюков; поэт и прозаик, вместе с обоими братьями и сестрой Людмилой входил в артель кубофутуристов, но был едва ли не самым умеренным из них. «...Анемичный, застенчивый, кроткий...» – иронизировал по его поводу К.И. Чуковский (Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». М., 1914. Кн. 22. С. 150). По мобилизации участвовал в боях на Румынском фронте в 1915–1916 гг. и позже – в Гражданской войне. Арестован и расстрелян как бывший офицер в превентивных целях. Владимир Давидович Бурлюк (1886–1917) – средний из братьев Бурлюков; художник. Университетский товарищ Шкловского. Погиб в Салониках (Греция) при невыясненных обстоятельствах.

В.Д.: В «Пощечине...»*

* В 1909 г. Хлебников занялся вычислением периодичности, с которой повторяются однотипные события мировой истории. В упомянутой выше статье «Учитель и ученик» (1909–1912) он, в частности, утверждал, что «1383 года отделяют паденья государств, гибель свобод» (Велимир Хлебников. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6, кн. 1. С. 39). И уже там привел список государств, падения которых разделены этим сроком. Так, нашествие Батыя на Русь в 1237 г. увязывалось с разрушением Карфагена ровно за 1383 года до этого – в 146 г. до н. э. Следующий шаг – от исторической констатации к пророчеству: «...в 534 году было покорено царство Вандалов: не следует ли ждать в 1917 году (т. е. через 1383 года. – В. Р.) падения государства?» (Там же). Следом в «Пощечине общественному вкусу» (18 декабря 1912) – первом альманахе кубофутуристов (Давид Бурлюк, Алексей Крученых, Владимир Маяковский, Велимир Хлебников и др.) – Хлебников поместил, по сути, тот же список, только вынес в заголовок: «Взор на 1917 год». А закончил список строкой: «Некто 1917» (с. 112). Нумерологические выкладки были помещены Хлебниковым и в альманахе «Взял: барабан футуристов» (Пг., декабрь 1915).

В.Ш.: Я с ним встречался и сказал ему тогда: «Разрушение русской империи будет в 1917 году?» Он сказал, что вы догадались первым. Это всё годы крушения великих империй*. Ну вот. Мы все были тогда пророками. Потом я пошел в армию**... Да, перед этим я еще дружил с Кульбиным***.

* Об этом разговоре Шкловский вспоминал неоднократно. Например, в книге «О Маяковском» (с. 53). Вариант из книги «О теории прозы»: «Я сказал ему: "Ты думаешь, наша империя разрушится в 1917 году?" – "Пока получается так", – ответил он» (М.: Советский писатель, 1983. С. 69–70).

** Это – осень 1914 г. В книге «О Маяковском» Шкловский рассказывал: «Я попал на войну – охотником из вольноопределяющихся. Права на производство я не имел (так как "был сыном крещеного еврея", уточняет автор в мемуарах "Жили-были". – В. Р.). Бывал в армии, но не очень был армии нужен. Скоро вернулся в Петербург и стал инструктором броневоего дивизиона» (с. 74).

*** Главки о Н.И. Кульбине есть в мемуарных книгах Шкловского: «Третья фабрика» (с. 48–50), «О Маяковском» (с. 66–68) и Жили-были» (с. 79–80).

В.Д.: Что это за человек был?

В.Ш.: Николай Иванович Кульбин был главный врач Главного штаба, ученик Павлова*, хороший теоретик. Он говорил про Ахматову и про Мандельштама: «Это хорошие поэты, но я их лечил. У них мелкие сечения

кровеносных сосудов**». Вот у Маяковского крупное сечение кровеносных сосудов». Он был... Художник. Все они тогда... Выступал с футуристами.

* Иван Петрович Павлов (1849–1936) – физиолог, создатель науки о высшей нервной деятельности; лауреат Нобелевской премии (1904).

** В «Третьей фабрике» Шкловский уже написал об этом, правда, не называя имен: «Про акмеистов Кульбин говорил, что у них мелкое сечение кровеносных сосудов» (с. 49).

В.Д.: Художник-любитель. И меценат был, да?

В.Ш.: Да какой он меценат. Мне давал деньги*. Но он, значит, выступал, снимая свою тужурку и одевая свой пиджак, военный китель. Он был военный, потому что он был профессором Военно-медицинской академии**.

* В «Третьей фабрике» Шкловский писал о Кульбине: «Меня он любил и считал своим продолжателем. Платил мне три рубля в день, чтобы влиял на его сына и сделал бы Ваню похожим на себя» (там же).

** Кульбин (1868–1917) был доктором медицины (1895), врачом Главного штаба (с 1903) приват-доцентом Военно-медицинской академии (с 1905), действительным статским советником (1915), т. е. чиновником 4-го класса, равным генерал-майору в армии. Ему принадлежит несколько десятков работ по психологии, неврологии и внутренним болезням, а также иллюстративный материал к монографии проф. Л.В. Блуменау «Мозг человека: анатомо-физиологическое введение в клинику нервных и душевных болезней» (СПб.: К.Л. Риккер, 1907–1913; 2-е изд. М.; Л.: Государственное издательство, 1925).

В.Д.: Даже профессором?!

В.Ш.: Да. Ну, вот...

В.Д.: Он умер в 17-м, да?

В.Ш.: Во время Февральской революции*. На Маяковского он... он относился к Маяковскому полувраждебно.

* Кульбин умер 6 марта 1917 г. Основные события Февральской революции уложились в 5 дней: с 27 февраля по 3 марта. В «Третьей фабрике» Шкловский писал: «Умер Кульбин счастливым на третий день исполнения ожидания» (с. 49).

В.Д.: Почему?

В.Ш.: А черт его знает, почему!

Знакомство с Бриком

Теперь... значит, я с Маяковским попрощался, а потом мне... Это было уже в автомобильной школе, я работал в автошколе старшим инструктором, и у меня был такой Василий Брик, инженер, который был знаменит тем, что он сразу разбил три машины. Ему дали машину, он включил – машина прыгнула и, значит, разбила переднюю машину, он дал задний ход – и разбил заднюю машину. Поэтому он был знаменитый человек, который в три минуты разбил три машины.

В.Д.: Но сам остался жив?

В.Ш.: Совершенно /нрзб/. Это было в гараже. Это была ошибка, потому что в гараже очень трудно... не надо в гараже давать руль неопытному человеку. Когда я был... я не знаю, откуда, мне сказали, что меня приглашает вольноопределяющийся Брик*. Я думал, что это мой ученик. Я пришел.

* В 1940 г. Шкловский описывал этот эпизод несколько иначе: «Володя (Маяковский. – В. Р.) зашел и оставил мне записку: “Приходи к вольноопределяющемуся Брику”. А я знал в автомобильной роте вольноопределяющегося с такой фамилией, который раз тронул машину, машина рванула, прыгнула и разбила дверь впереди. Вольноопределяющийся дал задний ход, машина пошла боком и назад и разбила еще дверь сзади» (Виктор Шкловский. О Маяковском. С. 78). Как ни странно, версия, рассказанная Дувакину, ближе к тому, что было написано еще раньше, в «Третьей фабрике» (1926): «Мне раз позвонили и попросили зайти к вольноопределяющемуся Брику. Был такой в роте товарищ. Его все знали: при пробе он сразу разбил три автомобиля...» (с. 56). Причину приглашения Шкловского к Брику называет в воспоминаниях Л.Ю. Брик: «Володя стал знакомить нас со своими. Начали поговаривать об издании журнала. Он зашел к Шкловскому. Не застал его дома и оставил записку, чтобы пришел вечером на Жуковскую, 7, кв. 42, к Брику. Шкловский служил с каким-то вольноопределяющимся Бриком и шел в полной уверенности, что идет к нему, а попал к нам» (Лиля Брик. Пристрастные рассказы: воспоминания, дневники, письма. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2003. С. 31).

В.Д.: А это был Брик?..

В.Ш.: А это был другой Брик /нрзб./ – Осип Максимович*.

* Осип Максимович Брик (1888–1945) – сын купца 1-й гильдии, юрист по образованию; с 1912 г. муж Лили Юрьевны Брик (1891–1978). После знакомства с Маяковским издал его поэмы «Облако в штанах» (1915) и «Флейта-позвоночник» (1916) и в дружбе и тесном сотрудничестве с ним занялся литературной деятельностью.

В.Д.: Нет, а кто же... Почему он вас пригласил?

В.Ш.: Ну как? Ему сказал Маяковский.

В.Д.: Ах, уже Маяковский...

В.Ш.: Он нас познакомил. Я, значит, пришел к Брику*. Квартира. Три комнаты. Тут висит портрет, может, немножко позже /нрзб./ портрет Григорьева, его продали...

* В декабре 1915 г. вышел альманах «Взл» со статьями Брика и Шкловского о выпущенной в сентябре поэме Маяковского «Облако в штанах». Издателем альманаха был Брик. В связи с подготовкой этого издания Маяковский и свел Шкловского с Бриком. А поскольку сам Маяковский познакомился с Бриками только в конце июля 1915 г., то, вероятнее всего, Шкловский пришел к Брикам осенью того же года. Эту квартиру Шкловский описывает в книге «О Маяковском»: «Квартира совсем маленькая. Прямо из прихожей коридор, слева от коридора две комнаты, а спальня выходит в переднюю. Квартира небогатая, но в спальне кровати со стегаными одеялами, в первой комнате, тоже не из коридора, а из передней, – <...> рояль, стены увешаны узане и большая картина – масло под стеклом, работы Бориса Григорьева – хозяйка дома лежит в платье. Плохая картина. Лиля ее потом продала. Потом узенькая столовая» (с. 79). Свой портрет работы Бориса Григорьева (1886–1939) Лиля Брик датировала 1916 г. Значит, осенью 1915 г. его еще не было в квартире. Описывала Лиля Юрьевна этот портрет так: «...огромный, больше натуральной величины. Я лежу на траве, а сзади что-то вроде зарева. Маяковский называл этот по

В.Д.: Аполлона?*

* Аполлон Григорьев (1822–1864) – поэт, литературный и театральный критик, идеолог почвенничества, автор популярных песен и романсов.

В.Ш.: Нет, Бориса Григорьева, художника.

В.Д.: А!

В.Ш.: ...изображающий Лилю Брик. Лиля, значит, молодая... у них там сидел такой, ухаживал за ней, Шиман*, высокий художник... черт его знает... он делал эти самые... платки такие способом батик и отделявал их черно-бурой лисой**. Такой забавный человек. И, значит, Ося. У Оси была такая история. Из полевого дивизиона, нет, из автомобильного уволили всех евреев. Ося... и всех отправили...

* Эдуард Густавович Шиман (1885–1942). О нем Шкловский рассказывает в книге «О Маяковском»: «К Брикам ходили разно одетые люди. Ходил высокий элегантный человек по фамилии Шиман. Это был мюнхенский художник, левый, школы Кандинского, вероятно. Музыки он не знал, но дома у него стояла фисгармония. Он не был импровизатором, но, сидя за фисгармонией, издавал при ее помощи связанные музыкальные вопли. Не надо думать, что это была теоретически неосмысленная музыка. Это была фисгармония, как таковая. Так же он и рисовал. Цвет сам по себе. Жил он в большой, очень чистой комнате. <...> Художник жил неплохо. Он разрисовывал шарфы. Живописные вопли и бормотанья превращались в вещи, годные для украшения дам» (с. 89). Л.Ю. Брик обозначает его инициалом Ч. (последней буквой отчества): «Пастернак привел к нам Ч. Он выше Маяковского ростом, на лице постоянная гримаса, очень красивые руки и, странно, белый тафтовый галстук. Он художник, рисовал шарфы и халаты и продавал их в самые модные магазины» (Пристрастные рассказы. С. 34).

** В книге «О Маяковском» подробно рассказано об этом занятии: «В чистой ванне распускалась краска. Шарф покрывался воском в горячем виде, воск клался по рисунку типа Кандинского. Шарф прокрашивался везде, где не было воска. Потом снимали воск утюгом, снова покрывали воском уже прокрашенные места и снова погружали в ванну. Потом бралась черно-бурая лисица, ношенная, резалась, пришивалась к шарфу, и всё это хорошо продавалось» (с. 89–90).

В.Д.: Куда отправили?

В.Ш.: На фронт.

В.Д.: На фронт отправили?

В.Ш.: В пехоту. Ося отстал на вокзале. А потом пришел...

В.Д.: То есть дезертировал.

В.Ш.: Ну... А потом пришел в проходные казармы и начал платить писарю за то, что тот вписывал его числящимся в казармах.

В.Д.: А в какие же казармы, свои, автомобильные?

В.Ш.: Нет, проходные казармы, там, где отставшие солдаты и так далее. Такой приемник.

В.Д.: Ага, пропускник такой.

В.Ш.: Пропускник. Вот там он платил деньги, большие деньги. Раз он не хотел заплатить и сказал этому человеку: «Ну что ж, и на фронте люди живут», на что ему писарь сказал: «Живут, но недолго», – и взял с него опять деньги. Кончилось это тем, что Ося перестал платить, пользуясь тем, что он живет прописанным в доме, в доме знают, что он там рос. И он несколько лет, ну, два года, три, жил и работал.

В.Д.: Дезертиром?

В.Ш.: В том самом месте, где он должен был жить. Ну, так как он не переезжал.

В.Д.: Прописку не менял?

В.Ш.: Не менял. То он так и жил.

В.Д. (усмехаясь): Плохо был поставлен учет.

В.Ш.: Ну, еще бы! Ну, об этом у меня написано в «Третьей фабрике»*.

* В «Третьей фабрике» сюжет с дезертирством Брика прописан подробно: «В те дни, когда я с ним познакомился, он уклонялся от воинской повинности. Делалось это гениально просто. Брик служил в одной команде. Там было много евреев. Их решили отправить под конвоем в пехоту. Если бы Брик начал отказываться и истек бы кровью у начальства на глазах, его отправили бы всё равно. Отправляли тогда бумагу, на бумаге писали: “Приложение: при ней солдат такой-то”. Брик пошел со своей бумагой и другими людьми на вокзал. На станции только он отбился от команды. Выждал, когда ушел поезд, одернул шинель и чистеньким пришел к коменданту отдельной каплей. У войны нет способа раздавливать отдельные капли. Комендант отправил Брика в проходные казармы, между Загородным и Фонтанкой. Брик, как и вообще солдат, не был нужен. Так как он не волновался и не выяснял свою участь, то состоял он в проходных казармах долго. Его за обед в трактире отпустили домой. <...> Брик приходил сперва в казармы, а потом перестал. Сидел дома. Сидел два года. К нему десятками ходили люди, он издавал книги, но найти его не могли. <...> Брик не мог делать только одного – переехать с квартиры на квартиру. Тогда бы он стал движущейся точкой. Но он мог бы зато надстроить на дом, в котором жил, три этажа и не быть замеченным» (с. 58–59). Л.Ю. Брик излагает эту историю иначе: «Ося служил в автомобильной роте. Служба была утомительная, скучная, отнимала всё время, и Ося так и тянул бы ляжку до самой революции, но вдруг начальство решило, что незачем евреям портить красивый пейзаж авточасти, и велело в одни сутки всех собрать и под конвоем отправить в село Медведь, в дисциплинарный батальон, а оттуда на фронт. Я, конечно, сначала в слезы, а потом заявила категорически, что если Ося позволит вести себя, как вора и отцеубийцу, под конвоем и т. д. и т. д., то я ему не жена и не друг и никогда в жизни не прощу этого. Что тут делать? Ося ложится в госпиталь. Тем временем евреев отправляют в Медведь, и, когда Ося выходит из госпиталя, начальство соображает, что не стоит на жида вольноопределяющегося тратить двух конвойных и досылать его в Медведь, а лучше отправить его к воинскому начальнику» (Пристрастные рассказы. С. 29).

В.Д.: Я не помню.

В.Ш.: Ну вот, Лиля. Лиля... Значит, дом меценатский, меценатский, богатый дом...

В.Д.: Откуда богатство?

В.Ш.: Осип Максимович Брик из семьи ювелира*. Его бабушка имела в Паланге, на границе с Германией, большой дом и занималась, номинально, скупкой янтаря, а фактически – контрабандой кораллов.

* Отец Осипа Брика, Максим Павлович (Меер Иезуа), и бабушка, Цира Зелик, владели торговым домом «Брика Павла Вдова и Сын» по продаже драгоценных камней. В их мастерской в Паланге обработкой камня занимались 15 человек.

В.Д.: Кораллов?

В.Ш.: Да. Эти кораллы находили в море где-то и отправляли в Италию*. Их там полировали, потом их ввозили в Россию, и они... А продавали их в Бурят-Монголию, где они были предметами культа и украшали какие-то... Брики были богатые люди.

* По словам двоюродного брата Осипа Брика, Юрия Борисовича Румера (1901–1985), под видом кораллов продавался особый сорт песка, который добывали в небольшом заливе близ Неаполя.

В.Д.: Это бабушка Осипа Максимовича?

В.Ш.: Да. Она была привлечена... к ответственности за контрабанду по телеграммам, в которых все время упоминались: «Пришлите мне красные». На суде она сказала, что это красный янтарь. Эксперт сказал,

что красного янтаря нет. Тогда защитник вынул из портфеля, бросил на стол несколько гроссов* совершенно красного коралла.

* Гросс – мера счета, равная 144 предметам; двенадцать дюжин.

В.Д.: (*поправляет*) То есть янтаря?

В.Ш.: Янтаря. Эксперт посмотрел, сказал, что это красный янтарь: «Это несомненно янтарь, но я его вижу в первый раз». Как это было сделано? Среди гроссов янтаря...

В.Д.: Гроссов?

В.Ш.: Да. Гросс – это когда пересылают в большом количестве, связками. ...бывают красные включения, отдельные камушки. Заранее подбирали их годами, красные кораллы (*поправка*) красный янтарь, не знаю, для чего, и у фирмы скопилось несколько ниток, двадцать ниток красного янтаря. Это был единственный янтарь, красный, в мире, потому что янтарь должен быть белым или желтым. Ну и вот, так его использовали для вот этого спора*.

* Хотя чаще всего янтарь бывает желтым или светло-коричневым, но встречается разных цветов – от белого до черного, в том числе и кроваво-красный. Известны даже целые месторождения красного янтаря. К тому же еще в Древнем Риме умели окрашивать янтарь в красный цвет, проваривая его в меду. Позже с той же целью стали расплавлять обычный янтарь под давлением.

В.Д.: И ее оправдали?

В.Ш.: Ее оправдали. Ее оправдали, потому что там были еще одни показания... начальника этой таможни, который говорил, что это несомненно контрабандное дело и что задержаны кораллы. Но один из присяжных, который был заранее приготовлен, задал вопрос: получает ли по закону таможня премию за поимку контрабанды? Он сказал, что получает, скажем, двадцать пять процентов. Тогда задали вопрос: «А вы получите, если мадам Брик будет осуждена?». Он говорит: «Да, потому что она контрабандистка». Тогда защитник задал вопрос: «Сколько свидетель получит в том случае, если его свидетельство о контрабанде будет признано судом?» Он назвал свою сумму и был скомпрометирован, как человек заинтересованный. Понятно?

В.Д.: Понятно.

В.Ш.: А какое это имеет отношение к Маяковскому? Вот какое.

Муж твой – продавец кораллов,
красный тебе подарит, носи, на.*

* Рудольф Дуганов приводил вариант: торговец.

Это у Маяковского, ранний Маяковский. Помните, там:

...скалю гнилые зубы.*

* Строка из поэмы «Флейта-позвоночник» (1915). См.: Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. С. 204.

В.Д.: В «Флейте». В окончательном тексте «Флейты» этой строчки насчет продавца кораллов нет. Они, может быть, в черновиках остались*.

* Черновики поэмы «Флейта-позвоночник» не сохранились.

В.Ш.: Он читал. Я думаю, что они есть в первоначальных изданиях*. Он, значит, был продавцом кораллов. У него был... у отца был дом...

* В изданиях поэмы их нет.

В.Д.: Это, значит, простите, это бабушка?..

В.Ш.: Это бабушка, а отец...

В.Д.: А отец уже был ювелир, который на базе этой бабушкиной деятельности...

В.Ш.: Уже ювелиром был, и продолжал торговать кораллами, ездил в Среднюю Азию... продавал кораллы бурят-монголам и так далее и имел дом на Арбатской площади, этот дом выходил на Арбатскую площадь, двухэтажный, на Арбат и на еще какой-то переулок, очень большой дом был. То есть Осип Брик был богатым человеком*.

* Александру Чудакову Шкловский рассказывал (1 июня 1975 г.): «У отца Брика был дом на Арбате. Смотрел на площадь и улицу. Был двухэтажный, но занимал целый квартал. Отец Брика был очень богатый человек. Поэтому у Осипа всегда были деньги. Это ему мешало работать. А он был умный, очень знающий человек. Он был логический, невдохновенный. Мы называли его "губернатор захваченных территорий". Он давал деньги на наши первые сборники. У него был знак ОМБ – еще до того, как он что-либо издал» (Александр Чудаков. Спрашивая Шкловского // Литературное обозрение. 1990. № 6. С. 102).

В.Д.: И Осип Максимович...

В.Ш.: Был сыном богатого человека.

В.Д.: Сын... и сам стал уже домовладельцем.

В.Ш.: Нет, он не мог им стать.

В.Д.: Отец был жив. Его спасла от этого революция.

В.Ш.: Да. Он был богатым человеком, и поэтому, когда... В результате, когда он сделался большевиком, его привлекли спецотделы Чеки, то есть по делам спекуляции*.

* В структуре ВЧК одно время действительно был отдел по борьбе со спекуляцией.

В.Д.: Как человека, который в этом понимает*.

* Осип Брик поступил на службу в МЧК 8 июня 1920 г. При оформлении поездки за границу осенью 1922 г. он предъявил удостоверение Политотдела московского ГПУ № 24541. После приказа от 24 декабря 1923 г. о слиянии Московского губернского отдела ГПУ, где служил тогда Брик, с центральным аппаратом ОГПУ большинство коллег Осипа Максимовича благополучно влились в центральный аппарат. Но сам он, «назначенный на должность уполномоченного 7 отделения СО (Секретного отдела. – В. Р.), на службу с 15 января 1924 г. являться перестал. Приказом по АОУ (Административно-организационному управлению. – В. Р.) № 57 от 10 марта 1924 г. он был объявлен "дезертиром", а вскоре исключен из списков сотрудников и снят с денежного довольствия» (Лубянка: органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991: справочник / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: Международный фонд «Демократия»; Материк, 2003. С. 35).

В.Ш.: ...поэтому у Бриков пели (*поет*):

Жду своего комиссарика

Из спецотдела Чеки...*

* Из популярной уличной песенки: Прямо в окно от фонарика / Падают света пучки. / Жду я свою комиссарика / Из спецотдела Чеки. / Вышел на обыск он ночью / К очень богатым людям. / Пара миллиончиков нонече / Верно отчислится нам. <...> / Не для меня трудоповинности, / Мне ли работать... Пардон... / Тот, кто лишает невинности, / Тот содержать и должен.

А потом его вычистили из партии, но он был, по-моему, убежденный коммунист.

В.Д.: Его вычистили из партии в чистку 21-го года, очевидно?*

* Эта чистка началась 1 августа, и до начала 1922 г. из партии были исключены 136 тысяч человек, т. е. каждый пятый.

В.Ш.: Да.

В.Д.: А когда он вступил?

В.Ш.: Я думаю, что сперва он был меньшевиком-интернационалистом*...

В.Д.: В 17-м году?

В.Ш.: В 17-м году. И был...

В.Д.: В «Новой жизни»*.

* Меншевики-интернационалисты – умеренные социал-демократы, которые в противовес большевикам-ленинцам, требовавшим превратить мировую войну в гражданскую, настаивали на заключении всеобщего демократического мира как пролога к европейской революции. В дальнейшем частью присоединились к большевикам, частью эмигрировали. Именно в эмиграции уже в 1922 г. получила огласку версия о том, что, записавшись в большевики, Брик оказался перед выбором: идти на фронт или в ЧК и предпочел второе. Если так, то исключение из партии и должно было подтолкнуть его к уходу из ГПУ.

** «Новая жизнь» – ежедневная газета, издававшаяся в Петрограде группой меньшевиков-интернационалистов и писателей, объединившихся вокруг ежемесячного литературного, научного и политического журнала «Летопись» (декабрь 1915 – декабрь 1917). Выходила с 18 апреля (1 мая) 1917 г. по июль 1918-го. И в журнале, и в газете главенствовал А.М. Горький. В «Новой жизни» Брик числился сотрудником с самого начала ее существования, а с декабря 1917 г. был на постоянном жалованье (200 рублей).

В.Ш.: ...в «Новой жизни», то есть он был знаком с Горьким. А потом, значит, он вступил в партию.

В.Д.: Так что же, после Октября вскоре, так?

В.Ш.: Вскоре после Октября.

В.Д.: В первые месяцы?

В.Ш.: Да.

В.Д.: Значит, конец 17-го, начало 18-го.

В.Ш.: Да, он был комиссаром в Академии художеств*.

* В Академии художеств проходили собрания Союза деятелей искусств при активном участии О.М. Брика. В письме Маяковскому (вторая половина декабря 1917 г.) Л.Ю. Брик сообщает: «Академию Ося прибрал к рукам» (Бенгт Янгфельдт. Любовь это сердце всего: В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: переписка. 1915–1930. М.: Книга, 1991. С. 49). Шкловский и раньше определял Брика на эту роль: «Брик – комиссар Академии художеств и называет себя швейцаром революции, говорит, что он открывает ей дверь» (Виктор Шкловский. О Маяковском. С. 113).

В.Д.: А, это то, что Маяковский вспоминает...

В.Ш.: Да-да.

В.Д.: ...в статье «Только не воспоминания...»*.

* В статье «Только не воспоминания...» (Новый ЛЕФ. 1927. № 8–9) Маяковский рассказывает о выступлении О.М. Брика вскоре после Октября 1917 г. на одном из собраний в Академии художеств: «Кто-то просит послать охрану в разрушаемую помещичью усадьбу: тоже-де памятник и тоже старина. И сейчас же О. Брик: – Помещики были богаты, от этого их усадьбы – памятники искусства. Помещики существуют давно, поэтому их искусство старо. Защищать памятники старины – защищать помещиков. Долой!» (Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12. Статьи, заметки и выступления. Ноябрь 1917–1930 / подгот. текста и примеч. А.М. Ушакова и др. М., 1959. С. 151).

Маяковский в Февральскую революцию

В.Ш.: Так что, вот, это бриковское дело. Теперь, если говорить про революцию, Февральскую, то во время Февральской революции были такие дела*. Маяковский в ней принимал участие как автомобилист**.

Это есть в «Хронике»***. Я принимал участие как броневик****. У меня были части броневые, запасные части*****.

* Наиболее подробно о впечатлениях от Февральской революции Шкловский рассказывает в книгах «Революция и фронт» (Пг.23-я Государственная типография, 1921. С. 1–15) и «Жили-были» (с. 111–115).

** Призванный на военную службу, Маяковский был зачислен 19 сентября 1915 г. в Военно-автомобильную школу, в 1-ю запасную автомобильную роту, где его определили в чертежники.

*** В стихотворении «Революция. Поэтохроника» (17 апреля 1917 г.) Маяковский рассказывает, как разворачиваются февральские события с его участием: На своем постоянном месте / в Военной автомобильной школе / стоим, / зажатые казарм оградой (Полное собрание произведений: в 20 т. Т. 1. С. 102).

**** В чине старшего унтер-офицера Шкловский служил инструктором в Броневой школе Запасного броневое дивизиона. Школа находилась на Владимирском проспекте.

***** Т. е. детали.

Маяковский во время службы в 1-й Запасной автомобильной роте. Петроград 1915. © Государственный музей В.В. Маяковского

В.Д.: То есть вы вели броневик?

В.Ш.: У нас была такая история, что перед революцией, так как броневой батальон имел много рабочих, которые были ненадежны, то разоружили броневики, сняли с них части. Но у нас были запасные части в школе военной как учебные пособия, на Владимирском проспекте. Я их взял, перенес со своими учениками, перенес на Ковенский переулок, где рядом с французской церковью* был гараж тоже броневиков**, и ночью мы вооружили четыре броневика. Там был Карпов, Гнутов***, шоферы, и мы, значит, их повели. Это были первые броневики, которые вышли, потому что те броневики, которые шли из Ораниенбаума, пришли потом. Мы их поставили вокруг Адмиралтейства: одну я поставил около улицы Халтурина****, другую поставил около Гороховой, третий – около /нрзб./ окон*****, чтобы закрыть Николаевский мост, и Дворцовый мы закрыли.

* Речь о храме Лурдской Божией Матери, построенном для нужд французской католической общины и освященном 22 ноября 1909 г. (Ковенский пер., д. 7).

** Имеется в виду четырехэтажный автомобильный гараж на монолитном железобетонном каркасе, построенный в 1909–1910 гг. по заказу владельца экипажной и автомобильной фабрики К.Л. Крюммеля (Ковенский пер., д. 5; позади храма).

*** Гнутова, одного из «бригадиров гаража», Шкловский упоминает в книге «Революция и фронт» (с. 6).

**** Улицей Халтурина с октября 1918 г. до октября 1991 г. называлась Миллионная улица, идущая параллельно Неве от Лебяжьей канавки до Дворцовой площади.

***** Вероятно, на Английской набережной у Сенатской площади, откуда можно было контролировать южный торец Адмиралтейства и оба моста – Николаевский (ныне Благовещенский) и Дворцовый.

В.Д.: Представляю себе.

В.Ш.: И вот мне сказал Соболев, что последняя телеграмма Хабалова* была такая, что «я...». А он находился в Адмиралтействе, а я не знал, что он находится в Адмиралтействе, потому что он не стрелял. Там были военные части царского правительства, последние. Он дал телеграмму, что «я окружен броневиками вольноопределяющегося Шкловского, и я прекращаю...»

* Генерал-лейтенант Сергей Семенович Хабалов (1858–1924) – командующий войсками Петроградского военного округа. 24 февраля 1917 г. ему была передана вся полнота власти в столице.

В.Д.: Вольноопределяющегося Шкловского?

В.Ш.: Да. «...я предпочитаю сдаться»*. Я и не знал, что я его окружил, потому что... Видите, Адмиралтейство нельзя взять броневиками...

* На эту телеграмму Шкловский сошлется позже в книге «Энергия заблуждения» (М.: Советский писатель, 1981. С. 283) По-видимому, его просто разыграли. В здание Адмиралтейства Хабалов перешел из Зимнего дворца в ночь на 28 февраля. Под его началом в Адмиралтействе закрепились четыре гвардейские роты, пять эскадронов и сотен и две батареи. Нескольким броневикам Шкловского они вполне могли противостоять. Однако в полдень морской министр потребовал очистить здание, так как восставшие угрожали открыть артиллерийский огонь на уничтожение из Петропавловской крепости. Поэтому защитники Адмиралтейства тут же были распущены. Около 16 часов 28 февраля сам Хабалов был арестован и заключен в крепость.

В.Д.: Конечно.

В.Ш.: ...так что ему надо было сдаться кому-нибудь. И он придрался к случаю сдаться мне.

(Смена магнитофонной катушки)

В.Д.: Прошу вас, Виктор Борисович.

В.Ш.: Я вернулся, значит, на улицу Жуковского, в тот самый дом, перед которым был «головы кобылейей вылеп»*, дом Бриков. Там играли в «тетку»**. Вышла ко мне молодая и очень тогда красивая Лиля и сказала: «Революция нас совершенно не касается, то, что происходит на улице, нас не касается».

* Строки из поэмы «Человек» (1916–1917). См.: Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. С. 269. Напротив дома, в котором жили Брики, в нише стены была лепная голова лошади. Анна Ахматова рассказывала, что в день смерти Маяковского видела, как ремонтники сбивают этот барельеф.

** «Тетка» – простая карточная игра. Название – синоним карточной Дамы. Лилия Брик тоже упоминает эту игру: «Бывал у нас Горький редко, и тогда мы разговаривали мало, а больше играли с ним в карточную игру “тетка”» (Пристрастные рассказы. С. 125).

В.Д.: А это был уже 17-й год?

В.Ш.: Это был 17-й год.

В.Д.: Вы до февраля не были у нее?

В.Ш.: Я пришел как к знакомым. Но... Да, вот, про «тетку». «Тетку»... В то время Володя дружил с Горьким, и Горький бывал у Бриков, и они ему показали вот эту игру – «Тетка». В «Тетке» проигрывает тот, кто делает взятки, как бы перевернутая*... Тогда была уже «Летопись», журнал «Летопись», в котором напечатаны были стихи Маяковского**. Это была эпоха дружбы Горького с Маяковским***. И я бывал в «Летописи». Я потом был дружен с Горьким, во время после революции, после того, но и в то время у него бывал, бывал в «Летописи», встречался там с Бабелем, которого очень любил Горький****.

* См. в книге «О Маяковском»: «“Тетка” это такая игра, в которую проигрывает тот, у кого больше взяток» (с. 116).

** В журнале «Летопись» (1917. № 2–4, 7–8) были напечатаны 5-я часть и пролог из поэмы Маяковского «Война и мир» (1915–1916). Кроме того, издательство «Парус», которым руководил Горький, выпустило сборник стихов Маяковского «Простое как мычание» (ноябрь 1916) и отдельное издание поэмы «Война и мир» (декабрь 1917).

*** Маяковский познакомился с А.М. Горьким, по свидетельству М.Ф. Андреевой, летом 1914 г. Разрыв отношений произошел в 1918 г., когда Горький подхватил и стал повторять сплетню, будто Маяковский заразил сифилисом девушку и шантажировал ее родителей.

**** Исаак Бабель встретился с Горьким в Петрограде в 1916 г. Тогда же Горький напечатал в «Летописи» (№ 11) его первые рассказы «Мама, Римма и Алла» и «Илья Исаакович и Маргарита Прокофьевна». В воспоминаниях «О Бабеле» Шкловский писал: «Узнал Бабеля в горьковском журнале “Летопись” в 1915 году. Высокий, еще не старый, сутулый, недавно приехавший Горький ходил по редакции, больной, недовольный. Самым близким человеком в “Летописи” для него, как мне казалось, был Бабель. Ему он улыбался» (Виктор Шкловский. Жили-были. С. 390).

Теперь, что же такое дом Бриков? Это был буржуазный дом, банкиры у них... поэт Липскеров*, который

очень Лиле нравился. Она читала его стихи. Я помню только... «его жилета томен вырез». А рифма там: «Грустит и умирает ирис...»*

* Константин Абрамович Липскеров (1889–1954) учился живописи в мастерской Константина Юона, посещал кружок молодых поэтов при Валерии Брюсове. Впервые напечатался в журнале «Денди» в 1910 г. Осип Брик денежно помогал ему. Отправляясь в Туркестан в 1914 г., Брики взяли его с собой, поскольку он проявлял интерес к Востоку. Результатом этой поездки стала книга «Песок и розы: стихи» (М.: Альциона, 1916).

** Поверх крахмальных белых лат / Он в сукна черные зятянут. / За ним глаза из лож следят, – / Глаза, которые обманут. / Его жемчужина блестит, / Его жилета плавен вырез, / В петлице смокинга грустит, / Грустит и вянет темный ирис (Константин Липскеров. Другой: московская повесть. М.: Альциона, 1922. С. 5). В укор тогдашней Лиле Брик Шкловский уже писал, что она до знакомства с Маяковским «любила какие-то стихи, “Розы и морозы” или “Песок и морозы”, кажется. И еще какую-то стишину “его жилета томен вырез”, не помню дальше, а потом где-то “грустит и умирает ирис”» (Виктор Шкловский. Поиски оптимизма. М.: Федерация, 1931. С. 98).

В.Д.: Снобистского типа.

В.Ш.: Да. У Липскерова были стихи, посвященные Лиле Брик*, то есть Маяковский пришел в дом мецената, в котором бывали поэты. Потом там бывал много Михаил Кузмин, который тоже написал стихи Лиле**. Но Михаил Кузмин серьезно относился к большевикам и очень любил Маяковского.

* С посвящением «Лиле Брик» напечатан сонет Константина Липскерова «Ош» из цикла «Туркестанские стихи» (Константин Липскеров. Песок и розы. С. 32).

** Лиле Брик Кузмин посвятил стихотворение «Выздоровливающей» (1917). См.: М. Кузмин. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2000. С. 341–342.

В.Д.: Да что вы?!

В.Ш.: Да, очень уважал.

В.Д.: А Маяковский как к нему относился?

В.Ш.: Никак. Теперь... Если все рассказывать – будет много рассказывать. Что такое Ося? Ося человек умный, несмотря на то, что он сын /нрзб./ миллионера, он был искренне заинтересован в революции. Он не путался. Лиля принадлежит Маяковскому по праву победителя. Как человек, разбитая жизнь того общества, к которому она принадлежала, не могла жить. Она перешла в другой, так сказать, стан... Для нее это были другие люди.

В.Д.: С которыми она раньше не встречалась?

В.Ш.: Наверное.

В.Д.: Вот с этой демократической...

В.Ш.: Нет, я бывал у Оськи, потому что Оська издал журнал «Взял», один номер, он издал этот самый...

В.Д.: «Облако...».

В.Ш.: «Облако...». А Лилия «Облако...» переплела в парчу*. И Ося говорил: «Вот как не понимают женщины стиль. Это же не парча». И у них был даже... была такая маленькая витринка из простого неструганого дерева, в которой стояли книжки футуристов**, это был дом футуристов. Там и Хлебников бывал, Василий Каменский бывал.

* В книге «Поиски оптимизма» Шкловский писал: «Женщина, которой посвятил Маяковский “Облако в штанах”, эта женщина переплела книгу в парчу. Парча самая неподходящая обложка для “Облака” <...>» (с. 98). В книге «О Маяковском» добавлено: «...в елизаветинскую лиловую парчу <...>» (с. 87). Это был бы верх изысканности и роскоши. Но сама Лилия Брик называет не парчу, а кожу: «Я была влюблена в оранжевую обложку, в шрифт, в посвящение и переплела свой экземпляр у самого лучшего переплетчика в самый дорогой кожаный переплет с золотым тиснением, на ослепительно белой муаровой подкладке» (Пристрастные рассказы. С. 28).

** В книге «О Маяковском» Шкловский уже писал об этом: «...Ося устроил на стенке полочку из некрашеного дерева. И на полочке стояли все книги футуристов» (с. 87). Конечно, неструганое дерево ближе эстетике футуризма, чем только некрашеное.

Празднование Нового 1916 года

В.Д.: До Маяковского уже были футуристы?

В.Ш.: Нет, нет, с Маяковским. Причем, Василий Каменский был в тот момент левее Маяковского, то есть он был против войны, он был яркий, так скажем, пораженец и говорил Володе: «Не, надо было писать “Громами ядер на мрамор Рима!”»* и так далее. Это в Новый год было. Праздновали Новый год.

* Строка из стихотворения «Война объявлена» (20 июля 1914). См.: Владимир Маяковский. Полное собрание произведений: в 20 т. Т. 1. С. 35.

В.Д.: 16-й, да?

В.Ш.: Да, 16-й год.

В.Д.: Вы были на этом праздновании?

В.Ш.: Был.

В.Д.: Виктор Борисович, если вы были на этом праздновании, то разрешите задать несколько дополнительных...

В.Ш.: У Лили было платье, сделанное из шелковой шали, сильно открытые красивые плечи, у Каменского был нарисован на щеке какой-то там жук и была одна бровь*, и я был как-то костюмирован**...

* В «Поисках оптимизма»: «Хозяйка была с открытыми плечами, плечи выходили из куска шелковой шали». У Каменского «пиджак был обшит широкой полосой цветной материи. Одна бровь была сделана выше другой и черта уходила на лоб» (с. 103). В книге «О Маяковском»: «Хозяйка с открытыми плечами, задрапированными блестящим шелковым платком. <...> У Василия Каменского пиджак обшит широкой полосой цветной материи, одна бровь была сделана выше другой, на щеке птичка» (с. 92, 93). Лиля Брик запомнила это чуть иначе: «...Василий Каменский раскрасил себе один ус, нарисовал на щеке птичку и обшил пиджак пестрой набойкой» (Пристрастные рассказы. С. 33).

** В «Поисках оптимизма»: «У меня грим был комический – я одет был матросом, и губы были намазаны, и приблизительно выглядел я любовником негритянок» (с. 103).

В.Д.: Ах, вы тоже все-таки футуристическому гриму поддавались?

В.Ш.: Конечно, поддавался.

В.Д.: Вас же Лившиц дает как «академического, с высоким воротничком, студента»*...

* Отсылка к описанию Шкловского в мемуарной книге Бенедикта Лившица «Полутораглазый стрелец» (1933): «...розовощекий юноша в студенческом мундире, тугий воротник которого заставлял его задирать голову даже выше того, к чему обязывает самый малый рост, действительно производил впечатление вундеркинда» (Бенедикт Лившиц. Полутораглазый стрелец: стихотворения; переводы; воспоминания. Л.: Советский писатель, 1989. С. 462).

В.Ш.: А Лившиц, а Лившиц был... /нрзб./, был бляденко, бляденко, с очень хорошо наполированными ногтями, как драгоценные камни. Он человек был способный, но боковой...

В.Д.: Ну, конечно.

В.Ш.: А когда он попал... он такое на себя наговорил, он обезумел*. Но, конечно, снобических элементов было много.

* Бенедикт Лившиц (1886–1938), поэт, переводчик, мемуарист, был арестован 25 октября 1937 г. и расстрелян в ночь на 21 сентября следующего. Реабилитирован 24 октября 1957 г. Документы из его дела были напечатаны много позже: Э.М. Шнейдерман. Бенедикт Лившиц: арест, следствие, расстрел // Звезда. 1996. № 1. Но то, что происходило в застенке, секретом не было. Лидия Чуковская, например, узнала об этом от поделницы Лившица – Елены Тагер: «Во второй половине пятидесятих годов, после XX съезда, возвратилась из лагеря и долго – вплоть до реабилитации – гостила у Корнея Ивановича <Чуковского> в Переделкине писательница Елена Михайловна Тагер. В тридцать седьмом в Доме предварительного заключения состоялась у нее очная ставка с Бенедиктом Константиновичем Лившицем. Он был сед и безумен. Не обращая ни к конвою, ни к следователю, ни к Елене Михайловне, которую он не узнал, хотя десятилетие был знаком с ней, он произнес в пустоту какой-то невнятный монолог. Скоро его расстреляли – однако не раньше чем пытками лишили рассудка и выбили из него показания, по одним сведениям на 70, по другим – на две сотни человек, в том числе и на Елену Михайловну Тагер» (Лидия Чуковская. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Проверка; Софья Петровна; Спуск под воду: повести. Стихотворения. М.: Арт-Флекс, 2001. С. 175).

В.Д.: Это чувствуется по книжке*. Я вот что хотел у вас спросить. Об этом вечере, то есть точно, о праздновании нового 1916 года у Лили Брик, мне рассказывал уже теперь покойный Моисей Павлович, тогда Натан Венгров**.

* Имеется в виду «Полутораглазый стрелец» (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933).

** Натан (Моисей Павлович) Венгров (1894–1962) – детский поэт, прозаик, литературовед, литературный критик, педагог. С 1919 г. работал в Наркомпросе РСФСР у А.В. Луначарского.

В.Ш.: Правильно.

В.Д.: И он рассказывал, что играли в фанты, и Маяковскому вышло... Маяковский проиграл, в общем, и нужно было прочитать любимые стихи. И он начал читать «Медного всадника» и читал так хорошо, что никто не остановил, и что он прочитал его весь. Помните ли вы это (забыть это нельзя) или это плод фантазии?

В.Ш.: Вы знаете, я не помню.

В.Д.: Вы не помните?

В.Ш.: Не помню, но Маяковский превосходно знал Пушкина, и вообще поэты... Асеев знал даже Сумарокова... /нрзб./

Стихотворенья дух, высокий дух –

то есть стихотворенья, не одно, а как создание стихов*. Маяковский очень хорошо знал Пушкина, но я не помню...

* Есть у Шкловского о том же, но более внятно: «Маяковский читал неожиданных для себя писателей, например, он знал Сумарокова. И читал из него строки. Я даже запомнил: “Стихотворенья дух, высокий дух...” Здесь стихотворенье – не в смысле написанное в стихах, а сотворение стиха. И Маяковский, открывший книгу у меня в библиотеке, узнал строку Сумарокова и начал читать. Для него это было интересно. Конечно, он знал многих писателей и поэтов, он знал почти всех». Ничего подобного у Александра Сумарокова обнаружить не удалось. Скорее всего, приведенная строка – отголосок стихов Михаила Хераскова из поэмы «Россиада» (1779): О ты, витающий превыше светлых звезд, / Стихотворенья дух! приди от горних мест, / На слабое мое и темное творенье / Пролей твои лучи, искусство, озаренье! (Русская поэзия XVIII века / вступ. ст. и сост. Г. Макогоненко; примеч. П. Орлова. М.: Художественная литература, 1972. С. 270).

В.Д.: Этого факта вы не помните.

В.Ш.: Нет. А Натан Венгров...

В.Д.: Может быть, это был 17-го года Новый год?

В.Ш.: Нет-нет. А про Натана у нас была такая шутка. Маяковский спрашивает Натана Венгрова: «Дышу в петле – кто это?» Он говорит: «Пуговица»*.

* Очевидно, Натан Венгров укоряет Маяковского: «Неужели вы не понимаете, что я дышу в петле?» Но Маяковский его добивает: «А это потому, что вы – пуговица!»

В.Д.: Да, это я помню.

В.Ш.: Ну вот. Ну, Натан Венгров, потом, когда уже был у Луначарского, говорил: «Видишь, какими столами я руковожу». Я не помню, я или Маяковский сказали: «Значит, ты столоначальник». Ну, это был маленький человек, не бездарный...

В.Д.: Очень самолюбивый.

В.Ш.: Очень самолюбивый. Ну вот, теперь, значит, ко времени... там висел...

В.Д.: В квартире Бриков?

В.Ш.: В квартире Бриков висел такой огромный кусок ватмана, на котором все писали стихи или рисовали.

В.Д.: Что-нибудь помните оттуда? Кого-нибудь?

В.Ш.: Кушнер* написал:

Посмотри, о Брик, как там

Наследил гиппопотам.

* Борис Анисимович Кушнер (1888–1937) – поэт и прозаик футуристической ориентации, один из организаторов ОПОЯза (см. дальше), автор поэмы «Тавро вздохов» (1915), стихотворного сборника «Семафоры» (1917), книжек прозы «Самый сильный с улицы» (1917) и «Митинг дворцов» (1918). Позже – очеркист.

Неприятный человек. А Маяковский написал:

*Бегемот в реку шнырял,
обалдев от Кушныря**

* В «Поисках оптимизма» добавлено: «Гиппопотам, кажется, был работы Бурлюка» (с. 98).

В.Д.: Это Крученых опубликовал*...

* Это двустишие впервые опубликовано в книге «Литературные шушутки. Литературные секреты», изданной под редакцией Крученых тиражом 100 экземпляров (М., 1928).

В.Ш.: Да. И там я что-то рисовал, много рисовал, почему-то /нрзб./ рисовал*.

* В книге «О Маяковском»: «Бурлюк наклеивал какие-то пирамиды, я рисовал лошадок, похожих на соски» (с. 87). По свидетельству Лили Брик, «Бурлюк рисовал небоскребы и трехгрудых женщин, Каменский вырезал и наклеивал птиц из разноцветной бумаги, Шкловский писал афоризмы: "Раздражение на человечество накапливается по капле"» (Пристрастные рассказы. С. 38). Роман Якобсон припомнил рисунок: «Лилия, а Ося сидит и работает, и было написано: "Лилия вращается вокруг Оси"» (Якобсон-будетлянин: сб. материалов / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. Бенгта Янгфельда. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1992. С. 34).

В.Д.: Вы?

В.Ш.: Нет. Рисовал Лилию Давид Бурлюк. Это было... видите, для Лили... для Лили Брик это был салон, для футуристов это было место, где можно было пить чай.

В.Д.: И не только чай, наверное?

В.Ш.: Нет, пили мало.

В.Д.: Пили мало?

В.Ш.: Пили мало. Это было такое пристанище, где можно было отдохнуть, устав. Я спал там. Время было трудное. А для Маяковского это был дом – дом, где ему рады, его любил Брик и ценил, а Лилия считала одним из людей, которые за ней ухаживали.

В.Д.: Каких было уже тогда много, да?

В.Ш.: Уже накапливалось. Там был такой еврейский сноб... Израилевич*...

* Яков Львович Израилевич (1872–1942) – из богатой купеческой семьи. Учился на юридическом факультете, коллекционировал живопись. Его собственный портрет (1916) работы Бориса Григорьева хранится в Русском музее. Одно время Израилевич был секретарем М.Ф. Андреевой (о ней ниже), затем директором Дома писателя имени Маяковского в Ленинграде. Знакомые звали его Жаком. В «Третьей фабрике» это «Жак – по прозвищу Безумный»: «Жак был человек талантливый и много работавший, но без определенных занятий. Неверный и самоотверженный – и самоотверженный от некуда себя девать» (с. 110).

В.Д.: Израилевич?

В.Ш.: Да.

В.Д.: А, я с ним встречался.

В.Ш.: Яков Израилевич. Израилевич был...

В.Д.: Он за Лилей ухаживал?

В.Ш.: Да.

В.Д.: И не безуспешно?

В.Ш.: Он с ней жил.

В.Д.: Это в какое время? Ах, да-да, он потом заведовал Домом писателя в Ленинграде, домом Маяковского. Это этот самый. Он представительный довольно мужчина, недурен собой, такой красивый еврей. Но я его знал уже в 30-х годах, ему было лет сорок семь – сорок восемь. А потом мне Рита Яковлевна Райт

рассказала как раз о Лиле и нем такой эпизод, который чрезвычайно закругляет... значит, Лиля встретила где-то (очевидно, позже) с Израилевичем, и Израилевич что-то острил, как-то себя активно держал, публично, Лиля (не знаю, какие у нее были на это причины), глядя, так сказать, сквозь него, громко, при всех, сказала: «Говно!» – и пошла прочь*.

* В магнитофонной записи беседы Дувакина с Ритой Райт этого эпизода нет. Но, повторяя ее рассказ 18 августа 1968 г. под запись (см.: А.В. Азарх-Грановская. Воспоминания: беседы с В.Д. Дувакиным. Иерусалим: Гешарим, 5761; М.: Мосты культуры, 2001. С. 39), Дувакин добавляет: «...мы по улице шли под руку, и она мне рассказывала...» (там же).

В.Ш.: Это похоже.

В.Д.: Похоже?

В.Ш.: Похоже. Он умер. Он был антикваром.

В.Д.: Да-да.

В.Ш.: Он дрался за нее с Маяковским*.

* В 1977 г. Р.О. Якобсон рассказывал: «Маяковский очень ревновал Лилю к человеку, которого звали Жак. Жак был настоящий брeтер, очень неглупый, очень по-своему культурный, прожигатель денег и жизни. <...> После революции Жак одно время очень подружился с Горьким. Он был человек, который всегда оказывал услуги. Как-то Володя встретился с Жаком на улице. Тот шел с Горьким. Один другого подцепил, вышло что-то вроде драки, после чего Горький страшно возненавидел Маяковского» (Якобсон-будетлянин: С. 39). По воспоминаниям Лили Брик, Маяковский, прочитав письмо Израилевича, адресованное ей, «в умоиступлении» от ревности помчался с дачи в Петроград. «Поехали и мы с Осей. Мы были дома, когда пришел Володя и рассказал нам, что встретил И. на улице (надо же), что тот бросился на него и произошла драка. Подоспела милиция, обоих отвели в отделение, И. сказал, чтобы оттуда позвонили Горькому, у которого И. часто бывал, и обоих отпустили. Володя был очень мрачен, рассказывал это и показал свои кулаки, все в синяках, так сильно он бил И.» (Там же. С. 139).

В.Д.: Дрался?!

В.Ш.: Дрался. Руками. Они подрались.

В.Д.: Из-за Лили?

В.Ш.: Из-за Лили. Потом он страшно /нрзб./ Марии Федоровне Андреевой*. Он был очень /нрзб./ принят в доме Горького, и, может быть, он был человеком, который поссорил Горького с... <Маяковским>.

* М.Ф. Андреева (1868–1953) – актриса; жена Горького с 1904 по 1921 г. После захвата власти большевиками несколько лет заведовала театральным отделом Петросовета. В 1931–1948 гг. – директор Московского Дома ученых.

В.Д.: Может быть, он, да?

В.Ш.: Да.

В.Д.: Он производит впечатление, вообще, литературного авантюриста. Не знаю, у меня такое...

В.Ш.: Он был несчастный человек.

В.Д.: Несчастный?

В.Ш.: Несчастный. Его очень любили бабы. Он любил дарить вещи, не всегда ему принадлежащие, он мог подарить и чужую вещь, но у Лили был с ним роман. А то, что она сказала про него, – довольно точно.

Об Осипе Брике

Ну вот, что же... Теперь, у Оськи, у Осипа Максимовича был настоящий талант теоретика литературы. То, что сделал в теории стиха Роман Осипович Якобсон* – это то, что сделал Брик, как Роман Якобсон признавал. Но Брик никогда не записывал, а разговаривал. Он человек до такой степени инертный и не желающий жить, что он никогда ничего не написал**, но он сильно руководил Маяковским и выдумывал идеологии...

* Роман Осипович Якобсон (1896–1982) – один из крупнейших лингвистов XX в., стиховед и литературовед, участник и исследователь русского авангарда; близкий друг Маяковского, друг детства Лили Брик и Эльзы Триоле.

** Шкловский ценил и статью О.М. Брика о звуковых повторах, и его работу о ритме. Но обещано было намного больше, чем сделано. И в «Третьей фабрике» есть даже укоризненная главка «Брик продолжает отсутствовать», в которой автор пытается его растормошить: «Почему Брик не пишет? У него нет воли к совершению. Ему не хочется резать, и он не дотачивает свой нож. Он человек уклоняющийся и отсутствующий. В его любви нет совершения. И всё от осторожной жизни. Если отрезать Брику ноги, то он станет доказывать, что так удобней. <...> – Брик, где твоя книга? – спросила тебя Лариса Рейснер. Брик, нельзя жить не всерьез. <...> Нам нужна книга и ты, Брик. Неужели тебя выпили с чаем? Зазвенели по телефону? Истожили в маленьких победах?» (с. 62, 63).

В.Д.: Он?

В.Ш.: Он.

В.Д.: Главный выдумщик был он?

В.Ш.: Он. Ну, если не считать меня. Но... я его не уважал. Он меня любил. Но он настоящий человек, гораздо больший, чем Лиля. Она его любила. Она обижалась, что он не ревнует. Когда-то давно...

В.Д.: А он что же, был?..

В.Ш.: Он не был импотентом. Он был циник. Когда она пришла и сказала: «Вот, я только что изменила». Он сказал: «Ну что ж, прими ванну»*.

* Фраза Осипа Брика, известная от Лили Брик. Так, с ее слов шведский исследователь русского авангарда Бенгт Янгфельдт рассказывает, как однажды на прогулке она столкнулась с двумя молодыми людьми из московского бомонда и отправилась вместе с ними в оперетту, а потом в ресторан, где было выпито много вина. «...И следующим утром она проснулась в комнате с огромной кроватью, зеркалом на потолке, коврами и задернутыми шторами – она провела ночь в знаменитом доме свиданий в Аптекарском переулке. Спешно вернувшись домой, она рассказала обо всем Осипу, который спокойно сказал, что ей нужно принять ванну и обо всем забыть» (Бенгт Янгфельдт. Ставка – жизнь: Владимир Маяковский и его круг. М.: Колибри, 2009. С. 65).

В.Д.: Страшно цинично.

В.Ш.: Ну вот. Он ее не любил, а он был... Он ее не любил.

В.Д.: Когда он умер, то все как раз почувствовали, что вот тут только Лиля Юрьевна овдовела.

В.Ш.: Она его любила. Она его любила. Но он ее сводничал. Когда она потеряла Примакова, то он ей подсунил этого... Катаняна*. Я /нрзб./ Гали Катанян*. Он циничен очень.

* Виталий Маркович Примаков (1897–1937) – муж Лили Брик с осени 1930 г.; командир Червоного казачества в Гражданскую войну, с 1935 г. в звании комкора заместитель командующего Ленинградским военным округом. Арестован в августе 1936 г., расстрелян 12 июня 1937 г. вместе с группой высших советских военачальников во главе с маршалом М.Н. Тухачевским, обвиненных в организации заговора с целью захвата власти. Василий Абгарович Катанян (1902–1980) – муж Лили Брик с 1937 г. (официально брак зарегистрирован в 1956); биограф Маяковского, автор капитальной «Хроники жизни и деятельности поэта» (5-е изд. 1985), мемуарист, писатель.

** Галина Дмитриевна Катанян (1904–1991) – первая жена В.А. Катаняна, мать кинорежиссера и мемуариста Василия Васильевича Катаняна (1924–1999).

В.Д.: Вот в этом смысле и надо понимать ваше выражение, что вы говорите, что вы его не уважали?

В.Ш.: Кого?

В.Д.: Брика.

В.Ш.: Не уважал. Он совершенно не героический человек, героического нету. Ну, и рядом... Ведь история такая. Маяковский – революционер, демократ, очень /нрзб/, которому для себя ничего не нужно. Маяковский любил Лилю. Перед этим он одно время увлекался Эльзой*, в него влюблена была Лариса Рейснер*.

* Эльза Юрьевна Каган (1896–1970) – младшая сестра Лили Брик. С Эльзой Маяковский познакомился осенью 1913 г., более чем за полтора года до того, как увлекся Лилей. В 1918 г. Эльза вышла замуж за французского офицера Андре Триоле и под его фамилией стала известной французской писательницей и переводчицей. Развелась в 1921 г. С 1928 г. жена Луи Арагона. Лауреат Гонкуровской премии (1944).

** Лариса Михайловна Рейснер (1895–1926) – журналистка, писательница; легендарная красавица и прообраз женщины-комиссара в «Оптимистической трагедии» (1932) Всеволода Вишневского. Сотрудничала в журнале «Летопись» и газете «Новая жизнь». Известны ее романы с Николаем Гумилевым и Карлом Радеком. Была замужем за Ф.Ф. Раскольниковым. При нем состояла флаг-секретарем на Волжской флотилии. Служила комиссаром Морского Генштаба. В книге «О Маяковском» Шкловский говорит об отношении Ларисы Рейснер к Маяковскому осторожнее: «В комнате сидела светловолосая девушка, которая, вероятно, любила Маяковского» (с. 102).

В.Д.: Даже так?

В.Ш.: Да. В него влюблена была Зина Райх*. А он любил Лилю. Долго любил, покамест /нрзб./ Но он, значит, был упрямый. Он столько написал и наговорил, что он держался за свою любовь. И он ее любил верно. Я помню, когда Маяковский читал на Бассейной улице стихи у художницы Ермолаевой и пришел Горький с Александром Тихоновым**, то Маяковский, для которого Горький был большим человеком, заплакал, и прервали заседание***...

* Зинаида Николаевна Райх (1894–1939) – жена С.А. Есенина (в 1917–1921) и В.Э. Мейерхольда (с 1922); актриса его театра. В спектакле «Баня» по пьесе Маяковского в Государственном театре имени Вс. Мейерхольда (преьера 16 марта 1930) исполняла роль Фосфорической женщины.

** Александр Николаевич Тихонов (псевдоним Серебров; 1880–1956), писатель; друг Горького, был в это время издателем и редактором журнала «Летопись» и совладельцем издательства «Парус» (1915–1918).

*** В книге «О Маяковском» Шкловский рассказывает об этом чтении (1 декабря 1915 г.) подробнее: «Раз Маяковский читал свои стихи. Устроили чтение на Бассейной улице в квартире художницы Любавиной. Пришел Алексей Максимович Горький, высокий, немножко сутулый, с ежиком, в длинном сюртуке. За ним Александр Николаевич Тихонов. Маяковский начал с доклада, говорил невнятно о прежних поэтах, которые писали в своих усадьбах, имея веленевую бумагу, говорил, ссылаясь на меня, а потом заплакал и ушел в соседнюю комнату. Плакал, потом вышел, читал свои стихи. Горький его любил тогда» (с. 84). Лиля Брикс тоже называет местом этого чтения квартиру Любавиной, а не Ермолаевой (Пристрастные рассказы. С. 44). Художница Надежда Ивановна Любавина тогда жила на Бассейной улице, в доме 58, а художница Вера Михайловна Ермолаева (1893–1927) – в Басковом переулке, в доме 4.

В.Д.: Вы видели, как он плакал?

В.Ш.: Я видел, как он плакал.

В.Д.: Это единственный раз?

В.Ш.: Нет, дважды. И он, значит, говорил: «Что Лилечка скажет, что я плакал?»

А Лиля... Я за Лилей никогда не ухаживал, я был влюблен в Эльзу.

В.Д.: «Зоо»*.

* «Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза». Отдельные издания: Берлин: Геликон, 1923; Л.: Атенеи, 1924; Л.Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. Поздние вставки воспроизведены в издании: В. Шкловский. Сентиментальное путешествие. М.: Новости, 1990.

В.Ш.: И «Зоо» связано с «Про это». Связано чем? Например, если вы хорошо помните «Зоо», там есть наводнение*, и наводнение случайно попало в «Про это».

* Берлинское наводнение описано в письме десятом: «Вода на прибыли. Она затопила весь Берлин, и поезд унтергрунда всплыл в туннеле дохлым угрем, вверх брюхом. Она вымыла из аквариума всех рыб и крокодилов. Крокодилы плывут, не проснулись, только скулят, что холодно, а вода поднимается по лестнице. 11 футов. Она у тебя в комнате. В Алину комнату входит тихо: на лестнице воде негде раскочкаться. Но в комнате воду встречают Алины туфли. Дальше – пьеса. Туфли. Зачем вы пришли? Алики спит! (Они тебя тоже любят.) Вода (тихим голосом). Одиннадцать футов, госпожи туфли! Берлин весь всплыл вверх брюхом, одни тысячемарковые бумажки видны на волнах. Мы – реализации метафоры. Скажите Але, что она снова на острове: ее дом опоясан ОПОЯЗом» (см.: Виктор Шкловский. «Еще ничего не кончилось...». М.: Пропаганда, 2002. С. 293).

В.Д.: А он знал уже «Зоо» тогда?

В.Ш.: Конечно, знал, она же была издана в Берлине, то есть эта вещь, построенная на влюблении /нрзб./ футуристами влюблении, она открыла эту дорогу. «О госпожи мои Алины туфли!» Помните? Из «Зоо».

В.Д.: А, из «Зоо»! А, помню-помню. А тут:

С дивана,

сдвинут воды задеванием,

в окно проплыл чемодан.*

* Из поэмы Маяковского «Про это» (1923). См.: Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4. 1922 – февраль 1923 / подгот. текста и примеч. В.А. Арутючевой и З.С. Паперного. М., 1957. С. 148.

В.Ш.: Да, о том, как крокодилы плавают и как вода уходит. Ну вот. Володя, очень хороший человек, очень хороший сын, очень наивный коммунист, настоящий революционер, он был человек будущего. Лиля,

умная женщина, которая, если бы у нее был хороший человек, она была бы хорошей женщиной, но так как рядом с ней был циничный человек, она оказалась циничной. Ну вот. Она... не то, что карьеристка, она любит принимать участие в событиях.

В.Д.: То есть честолюбие.

В.Ш.: Она честолюбива.

Об отношениях Маяковского и Бриков

В.Д.: Ну, а нет в ней, уж простите за такой прямой вопрос, в их... вот вы сказали, буржуазная семья, вообще, все-таки традиции... накопления, жадности... хищности, так сказать?

В.Ш.: Видите, тут трудно сказать. У Оськи не было.

В.Д.: Несмотря на то, что он...

В.Ш.: Потому что Оське на все наплевать, и на деньги ему наплевать было. Он, как мне кажется, не пытался спасти папины деньги. А у Лили все-таки, конечно, остались его бриллианты. Вы бывали у Лили?

В.Д.: Я бывал у них очень мало и очень официально.

В.Ш.: Видите, теперь так. Семью содержал Володя, лет четырнадцать. Всё. Оплачивал все счета. Но Лиля дала Володе какой-то нравственный упор. Она была центром его биографии, до Яковлевой*, и так как Володя был хороший человек, то он, умирая, не имея состояния, завещал ей свое имя**... Он не проклял ее.

* С Татьяной Алексеевной Яковлевой (1906–1991) Маяковский познакомился в Париже 25 октября 1928 г. Их отношения отразились в стихотворениях «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви» и «Письмо Татьяне Яковлевой» (оба – 1928).

** Отсылка к предсмертному письму Маяковского (12 апреля 1930): «Товарищ правительство, моя семья – это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская. Если ты устроишь им сносную жизнь – спасибо. Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся» («В том, что умираю, не вините никого?».. С. 39–40; 45).

В.Д.: А имел бы основания, да?

В.Ш.: Понимаете, они с ним поступали жестоко...

В.Д.: Они с ним?

В.Ш.: Они с ним поступали жестоко. Когда Володя оставался один /нрзб./, ему ничего не нужно было, ему ничего не нужно было... Ну, что ему нужно: чистая рубашка*... пить он не пил...

* Отсылка к поэме «Во весь голос» (декабрь 1929 – январь 1930): И кроме /свежевымытой сорочки, / скажу по совести, / мне ничего не надо (Там же. Т. 10. М., 1958. С. 285).

В.Д.: Он не пил?

В.Ш.: Нет. Он любил стихи, любил теорию литературы. Верил в очень быстрый успех революции.

В.Д.: ...верую в ярую,

верую в скорую*.

* Из стихотворения Маяковского «Норденей» (4 августа 1923). См.: Полное собрание произведений: в 20 т. Т. 1. С. 298.

Вы в книжке цитируете другое место.

В.Ш.: Да. Поэты нетерпеливы. Они думают, что счастье, разное счастье, в том числе и счастье революции, наступит скоро. Ну вот, так и Володя. Ну, и когда это затянулось, то он оказался одиноким. У него не было семьи.

В.Д.: А когда вы считаете, с Лилей затянулось? Вот как вы трактуете биографически «Про это»? Это расставание?

В.Ш.: Расставание. Она хотела уйти к Краснощекову*.

* Александр Михайлович Краснощеков (1880–1937) – государственный деятель, участник социал-демократического движения с 1896 г., большевик с 1917 г. В 1920–1921 гг. председатель правительства и министр иностранных дел Дальневосточной республики. Отозванный в Москву, стал председателем Промбанка СССР и заместителем министра финансов, членом президиума ВСНХ РСФСР (1922–1923). В сентябре 1923 г. неожиданно арестован и обвинен в злоупотреблениях в Промбанке. В марте 1924 г. приговорен к шести годам одиночного заключения. Амнистирован в январе 1925 г. С 1926 г. возглавлял Главное управление новых лубяных культур наркомзема СССР и Институт нового лубяного сырья. Повторно арестован в 1937 году и 25 октября расстрелян. Роман Краснощекова с Лилей Брик начался летом 1922 г. В Лефортовскую тюрьму, где сидел Краснощеков, Лиля Юрьевна носила еду, вещи и книги. 9 ноября 1924 г. она написала записку Л.Б. Каменеву, председателю Моссовета, члену Политбюро ЦК ВКП, заместителю председателя Совнаркома и члену ВЦИК СССР, с просьбой о встрече. Неизвестно, состоялась ли эта встреча, но уже 20 ноября Краснощеков был переведен из камеры в тюремную больницу, а через полтора месяца из больницы выпущен на свободу.

В.Д.: Это вот директор ГУМа, бывший красный партизан? Судили его за...

В.Ш.: Да. Он не директор <ГУМа>, он директор... банка, банка.

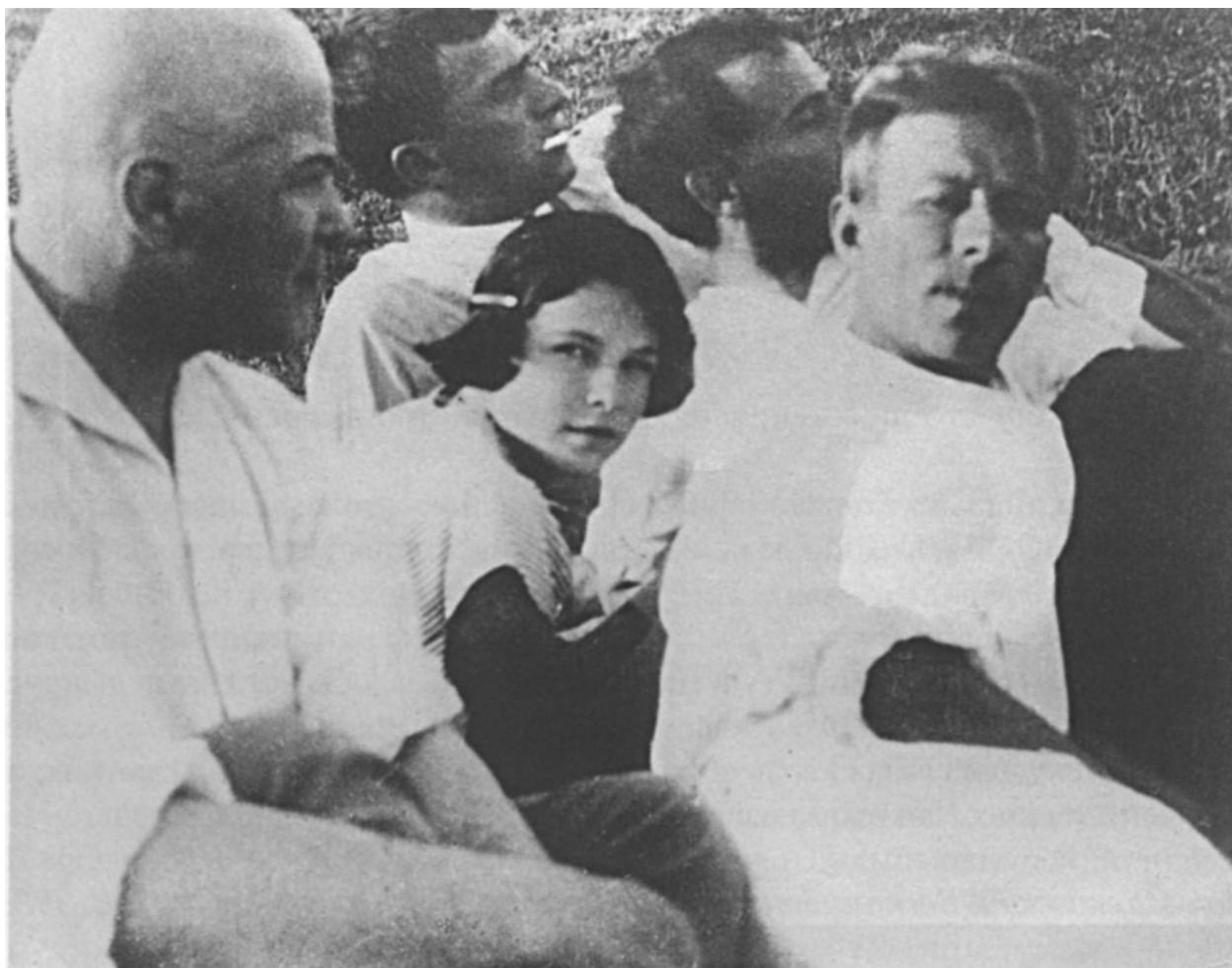
В.Д.: Дело Краснощекова.

В.Ш.: Он был крупный деятель Коммунистической партии на Дальнем Востоке.

В.Д.: А потом здесь, во время НЭПа, на хозяйственной работе был. И было организовано дело Краснощекова.

В.Ш.: Его посадили. Лиля взяла его дочку себе* и развелась... видимо, развелась с Бриком.

* Речь о Лулле Александровне Краснощековой (по мужу – Варшавской; 1910–2002).

В первом ряду: В.Б. Шкловский, Л.А. Краснощекова, Н.Н. Асеев; во втором ряду: Маяковский и Б.А. Кушнер. Пушкино, 1925. © Государственный музей В.В. Маяковского

В.Д.: Развелась?

В.Ш.: Да. И уехала из бриковской квартиры на новую квартиру на какой-то Олений проезд в Сокольниках.

В.Д.: А, я знаю, Олений вал*.

* Полтора года, начиная с октября 1924 г., общая квартира Бриков и Маяковского была по адресу: Большая Оленья улица, д. 27.

В.Ш.: Да. И я помню, Лиля говорит Осе: «Прощай, Брик», а он ей отвечает: «Прощай, Каган». Эта ее девичье имя. Она приняла новую фамилию.

В.Д.: Но потом опять.

В.Ш.: Опять стала...

В.Д.: И уехала... А на Оленьем валу она, что же, жила с Краснощековым?

В.Ш.: Очевидно.

В.Д.: Они же там с Маяковским, по-моему, жили.

В.Ш.: Потом они с... Краснощекова уже посадили.

В.Д.: Краснощекова посадили позже, в 24-м году.

В.Ш.: Ну, во всяком случае, он...

В.Д.: Вы знали Краснощекова?

В.Ш.: Нет. Вот это «Про это» – это про Краснощекова. Это уход к Краснощекову. А потом там был Малкин, Борис*.

* Борис Федорович Малкин (1891–1938) – партийный работник, издатель. С 1908 г. член партиисоциалистов-революционеров. После Октябрьской революции член президиума ВЦИК II и VI созывов. Руководил Петроградским телеграфным агентством, был одним из редакторов «Известий». В марте 1918 г. перешел в РКП. В 1918–1921 гг. возглавлял Центральное агентство по распространению печати при ВЦИК (Центропечать). В 1923 г. был директором издательства «Молодая гвардия». В 1930-е гг. директор Изогиза (с 1938 издательство «Искусство»). На групповом снимке, сделанном Александром Родченко в апреле 1924 г., запечатлен вместе с Маяковским и Шкловским (см.: Л. Волков-Ланнит. Александр Родченко рисует, фотографирует, спорит / предисл. Льва Кассиля. М.: Искусство, 1968. С. 154). Маяковский в письмах Лиле Брик (2-я половина сентября 1923, 9 ноября и 6 декабря 1924) и она в письмах ему (8 декабря 1924 и 14 октября 1928) называют Малкина – Малочка.

В.Д.: Тоже влюбленный был.

В.Ш.: Тоже влюбленный. Потом там был Осип Мартынович Бескин*...

* О.М. Бескин (1892–1969) – член правления Госиздата (1923–1925), ответственный редактор журнала «Советское кино» (1927–1929), ученый секретарь Института литературы и искусства Комакадемии (1929–1931). Стал прообразом Ефима Мартыновича в рассказе Александра Солженицына «Абрикосовое варенье» (1994). Представлен здесь как «боевой марксистский критик, известный сокрушительно разгромными статьями по одним писателям и победоносно похвальными по другим» (Александр Солженицын. Собрание сочинений: в 30 т. Т.1. М.: Время, 2006. С. 381). В декабре 1925 г. оказался на общей фотографии вместе со Шкловским, Бриками и Маяковским, только что вернувшимся из США. В столовой на Гендриковом переулке Александр Родченко сделал выразительную фотографию, передающую напряженные драматические отношения между Маяковским, Лилей Брик и Осипом Бескиным (см.: Л. Волков-Ланнит. Александр Родченко рисует, фотографирует, спорит. С. 88). В январе 1926 г. Лиля Брик жила у него. С 25 по 29 января Маяковский шлет ей телеграммы из поездки по Украине на адрес Бескина. 1 февраля она уже отвечает Маяковскому из его комнаты в Лубянском проезде.

В.Д.: Это уже позже.

В.Ш.: ...большой специалист /нрзб./. Мы его звали «мелкий Бескин»*. (*Усмехается*) А с Гандельманом у нас были такие штуки...

* Этот каламбур был запущен Шкловским. И даже этим он сумел воспользоваться, чтобы перетянуть Бескина на свою сторону: «Я прозвал Бескина – мелким Бескиным. Он узнал об этом, а мне нужно было проводить в Госиздате книгу. Все мне говорили: пропала ваша книга! Я пошел к Бескину и сказал ему: “Знаете, я вас прозвал мелким Бескиным, но ведь вы не такой человек, чтобы из-за этого потопить мою книгу”. Так он за меня на стенки лез. И всем рассказывал: “Знаете, Шкловский меня прозвал мелким Бескиным, а я печатаю его книгу”» (Лидия Гинзбург. Записные книжки; Воспоминания; Эссе / вступ. ст. А.С. Кушнера. СПб.: Искусство–СПб, 2002. С. 306).

В.Д.: С кем?

В.Ш.: С Гандельманом. Был такой банкир, который, который любил Лилю Брик.

В.Д.: Это в какие же годы?

В.Ш.: Это было... до революции.

В.Д.: Ага. А Бескин – это последний.

В.Ш.: И вот, значит, я встречаюсь с Гандельманом и постоянно говорю: «Здравствуйте. Шкловский». И он мне говорит: «Это невежливо. Когда же вы научитесь меня узнавать?» Я взял носовой платок, перевязал ему руку, сказал: «Не снимайте, я буду вас постоянно узнавать».

В.Д.: Хамеж, конечно.

В.Ш.: Страшный хамеж, который...

В.Д.: Но он того стоил, да?

В.Ш.: ...привел в восторг Брику, но он сказал: «Все же нельзя так, это мой гость». Снял с него повязку. Тот растерялся.

В.Д.: А он кто был?

В.Ш.: Богач*.

* В книге «О Маяковском» Шкловский рассказывает эту историю, называя свою жертву не Гандельманом, а Кричевским: «Как встречались старые бриковские знакомые с новыми? Мы их постепенно вытесняли. Помню, был такой человек Кричевский, вероятно, фабрикант. Я с ним встречался много раз. <...> Встречаясь с Кричевским, я ему всегда говорил: "Виктор Шкловский". Маленький, хорошо одетый человек, наконец, обиделся и сказал: – Мы знакомы много раз. Когда вы научитесь меня узнавать? Я ему ответил: – Потяните себе руку носовым платком, и я вас всегда буду узнавать» (с. 86). В той же книге появляется и Гандельман: «Мы собирались также на Литейном, в доме Мурузи, в бывшей квартире бывшего банкира Гандельмана. <...> Она похожа на Сандуновские бани. Раз, когда подходил Юденич, во время заседания литературной студии, вошел Гандельман с женой. Мы разговаривали о "Тристраме Шенди". Гандельманша прошла сквозь нас и начала подымать подола чехлов на креслах, смотреть, не срезали ли мы креслину кожу. Потом Гандельманша исчезла» (с. 150–151). Ирина Одоевцева называла хозяйню этой квартиры Гандельблатом (И.В. Одоевцева. На берегах Невы // Ирина Одоевцева. Избранное. М.: Согласие, 1998. С. 223).

В.Д.: Но это еще, значит, 16-й – 17-й год?

В.Ш.: 17-й.

В.Д.: Понятно.

В.Ш.: Так что, видите...

В.Д.: А Краснощеков?

В.Ш.: Краснощеков – это... Это вы можете по газетам посмотреть.

В.Д.: Ну да, я помню очень хорошо сам, я следил за этим делом, без всякого отношения к Маяковскому, я тогда не занимался Маяковским.

Виктор Борисович, я еще хочу одну проверку сделать, чрезвычайно, так сказать, острую. Я сам вам... стихи, строчки, которые мне еще при жизни Сталина передавали, я их не записал, но запомнил как строки Маяковского, связанные с Краснощековым и с Троцким. Слышали ли вы их когда-нибудь?

Я – от Лили, Краснощековым взлелеянной,

вы – от интендантских выдач,

оба мы получили по шее,

уважаемый Лев Давыдыч.

Слышали такие?

В.Ш.: Нет.

В.Д.: Я не уверен, конечно, в подлинности этого текста. Я, конечно, не включил бы <в корпус стихотворений Маяковского>, поскольку это... «Интендантских выдач» – Царицын, Сталин.

В.Ш.: Да. Он, значит... он никогда не склонялся в сторону Троцкого, как и Брик не склонялся. У них там постоянно чекисты торчали, и после ухода... Там Агранов постоянно бывал*.

* Яков Саулович Агранов (1893–1938) – с 1919 г. сотрудник ВЧК – ОГПУ – НКВД, специализировавшийся на работе с интеллигенцией, проводник изощренных репрессий. С 1923 г. заместитель начальника, с 1929 г. начальник Секретного отдела. В 1930-е гг. вырос до первого заместителя наркома внутренних дел, начальника Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. Комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935). В квартире Маяковского и Бриков в Гендриковом переулке Агранов стал своим человеком с 1928 г. В этом же году, в первой половине лета, он был сфотографирован в группе рядом с Маяковским на дачной веранде в Пушкине. Снимок воспроизведен, в частности, в кн.: Василий А. Катанян Распечатанная бутылка / сост. Я.И. Гройсмана: вступ. ст. В.В. Катаняна. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 1999. Вклейка между с. 64 и 65.

В.Д.: Что это за фигура? Какую роль он в смерти играл?

В.Ш.: Когда Володя умер и я пришел туда, на похороны, мне Агранов говорит: «И быть в любви жестоким очень легко – надо только не любить» (это цитата из «Зоо»)*, – и показал мне пулю, вынутую из Маяковского. Маяковский стрелялся стоя. Пуля вошла в сердце, но оказалась в голове**... Ну вот.

* Из письма четвертого: «И быть жестоким легко, нужно только не любить» (см.: Виктор Шкловский. «Еще ничего не кончилось...». С. 280).

** Дежурный следователь описал тело на месте гибели: «На груди на три сантиметра выше левого соска имеется рана круглой формы диаметром около 2 третей сантиметра. <...> Выходного отверстия нет. С правой стороны на спине в области последних ребер под кожей прощупывается твердое инородное тело, не значительное по размеру» («В том, что умираю, не вините никого?». С. 98, 100). Как показало позднейшее исследование рубашки, бывшей на Маяковском в момент выстрела, пистолет он держал в правой руке. Стрелял, прижав срез ствола к поверхности рубашки под углом (боковой упор). Войдя в тело выше левого соска, пуля вполне могла застрять «в области последних ребер». Оттуда она и была извлечена. А оказаться в голове никак не могла. В тот же день мозг Маяковского был изъят сотрудниками Института мозга, где он хранится поныне. Никаких повреждений мозга обнаружено не было.

В.Д.: Ее вынули из головы, да?

В.Ш.: Да. Ну, он ведь был/нрзб./ Я был... когда была выставка Маяковского, из всех писателей пришел я один*.

* Маяковский разослал приглашения на открытие выставки И.В. Сталину, В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову, Л.М. Кагановичу, Г.Г. Ягоде и другим руководителям, а также таким писателям, как Федор Гладков, Всеволод Иванов, Леонид Леонов, Юрий Олеша, Михаил Светлов, Илья Сельвинский, Николай Эрдман и др. Но пришли, кроме Шкловского, только Александр Безыменский и Семен Кирсанов. Был еще Александр Родченко с женой – Варварой Степановой. И много молодежи. В зал на 200–250 мест, где Маяковский читал поэму «Во весь голос», набилось человек 300–350.

В.Д.: Да, я знаю, Бромберг мне об этом рассказывал*.

* Артемий Григорьевич Бромберг (1903–1968) – коллега Дувакина по Государственному Литературному музею, помощник Маяковского при устройстве выставки «20 лет работы». Выставка была развернута в Москве – сначала в клубе Федерации советских писателей (1–22 февраля 1930), затем в Центральном Доме комсомола Красной Пресни (18–25 марта 1930). Два десятилетия возглавлял молодежную бригаду по изучению и пропаганде творчества Маяковского, организовавшуюся в феврале 1930 г. на этой выставке.

В.Ш.: Он был ужасно печален, и вообще ведь, видите, я когда-то написал, что Маяковский никогда не шутил. Мне Лиля сказала: «Конечно, кому неинтересно /нрзб./, но он всегда шутил». А Володя со мной никогда не шутил.

В.Д.: Простите, она говорит, что он всегда шутил?

В.Ш.: Да. Потому что его тон... Почему мы поссорились? Я как-то неосторожно...

В.Д.: С Лилей поссорились?

В.Ш.: Да. Второй раз когда поссорились.

В.Д.: А первый?

В.Ш.: Первый раз? Она что-то сказала, и я, не хотя ее обидеть, сказал: «Ты пользуешься правами хозяйки дома». Она это довольно правильно поняла: «домохозяйки». То есть она выступила как верховный жрец, понимаете? А я сказал, что она хозяйка дома. Это очень обидно. Тут произошло...

В.Д.: Хозяйка дома? Что же тут?.. Простите, что-то не улавливаю...

В.Ш.: Домохозяйка.

В.Д.: А-а-а!

В.Ш.: Домохозяйка, понимаете?

В.Д.: А, то есть ниже намного.

В.Ш.: Да. Я не хотел этого сказать, но мы поссорились, и я на этом расстался, я ушел.

В.Д.: Это вот вы ушли с заседания ЛЕФа*.

* ЛЕФ (Левый фронт искусства) – возглавляемое Маяковским творческое объединение энтузиастов актуального революционного искусства, искусства как жизнестроения. Существовало в 1922–1928 гг. Отвергая художественную преемственность, пассивное бытописательство и психологизм, левовцы ратовали за новизну форм, литературу факта, утилитарность, социальный заказ. ЛЕФ издавал толстый литературно-художественный и теоретико-пропагандистский журнал «ЛЕФ» (1923–1925. № 1–7), а затем той же направленности тонкий ежемесячник «Новый ЛЕФ» (1927–1928; всего вышло 22 номера). 26 сентября 1928 г. Маяковский выступил в Большой аудитории Политехнического музея с разговором-докладом «Левей ЛЕФа!», а затем попытался организовать более сплоченный, целенаправленный и агрессивный РЕФ (Революционный фронт), но рассорился с товарищами и ушел к прежним конкурентам – в РАПП (Российскую ассоциацию пролетарских писателей).

В.Ш.: Да.

В.Д.: Это вот... Лиля (Елизавета Лавинская), которая очень раздражена была против Лили <Брик>, очень зло о ней говорила, давно, до войны это было (она умерла давно), она мне рассказывала. Вот я помню точно ее рассказ. Что она <Лили Брик>, так сказать, не допускала никого, кто вообще как-то самостоятельно... враждебно относилась ко всякому, кто как-то самостоятельно общался и воздействовал, так сказать, на Маяковского, охраняя его. И вот, говорит, помню сцену в ЛЕФе, как с чем-то с ней не согласился Шкловский, она ему что-то возразила, он ей, и потом... Тут я цитирую ее фразу: «Я помню, истерический бабий визг: “Володя, выведи Шкловского!” Шкловский встал и сказал: “Не трудись, Володечка, я сам уйду”, – и ушел». «И ушел» – я даже не помню, сказала она или нет. Но вот эти две фразы я помню точно. Это так и было?*

* Через год после этой беседы Дувакина со Шкловским вышла книга «Маяковский в воспоминаниях родных и друзей» (М.: Московский рабочий, 1968), где впервые были напечатаны «Воспоминания о встречах с Маяковским» художницы Елизаветы Александровны Лавинской (1901–1950). Ссора, которую спустя годы описывает Лавинская, произошла на одном из «лефовских вторников» (вероятно, 18 сентября 1928) на квартире Маяковского и Бриков в Гендриковом переулке: «Как будто всё дело состояло в том, что Пастернак отдал в другой журнал свое стихотворение, которое должно было быть, по предусмотренному плану редакции, напечатано в “Лефе”. Начал его отчитывать Брик. Пастернак имел весьма жалкий вид, страшно волнуясь, оправдывался совершенно по-детски, неубедительно, и казалось, вот-вот расплачется. Маяковский мягко, с теплотой <...> просил Пастернака не нервничать, успокоиться: “Ну, нехорошо получилось, ну, не подумал, у каждого ошибки бывают...” И т. д. и т. д. И вдруг раздался резкий голос Лили Юрьевны. Перебив Маяковского, она начала просто орать на Пастернака. Все растерянно молчали, только Шкловский не выдержал и крикнул ей то, что, по всей вероятности, думали многие: – Замолчи! Знай свое место. Помни, что здесь ты только домашняя хозяйка! Немедленно последовал вопль Лили: – Володя! Выведи Шкловского! Что сделалось с Маяковским! Он стоял, опустив голову, беспомощно висели руки, вся фигура выражала стыд, унижение. Он молчал. Шкловский встал и уже тихим голосом произнес: – Ты, Володечка, не беспокойся, я сам уйду и больше никогда сюда не приду» (с. 335–336). Первая фиксация этой истории – в дневнике К.И. Чуковского: «10/XI 1928. <...> Вчера в Москве у М. Кольцова. <...> Он сообщил мне новости: “Леф” распался из-за Шкловского. На одном редакционном собрании Лили критиковала то, что говорил Шкловский. Шкловский тогда сказал: “Я не могу говорить, если хозяйка дома вмешивается в наши редакционные беседы”. Лиле показалось, что он сказал “домашняя хозяйка”. Обиделась. С этого и началось» (Корней Чуковский. Дневник: в 3 т. Т. 2. 1922–1935 / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской. М.: ПРОЗАИК, 2011. С. 385).

В.Ш.: Так и было. Причем, меня провожали Маяковский и Брик, сказали: «Мы уладим». Но ничего уже уладить было нельзя. Возник РЕФ.

В.Д.: Ах, это еще же «Новый ЛЕФ».

В.Ш.: «Новый ЛЕФ».

В.Д.: Это, значит, уже конец лета 28-го года.

В.Ш.: Да.

В.Д.: В чем же тут была причина?

В.Ш.: Что?

В.Д.: «Домохозяйка» – это первый раз?

В.Ш.: Это и было тогда.

В.Д.: Вы говорите, два раза.

В.Ш.: Два раза.

В.Д.: А первый раз?

В.Ш.: Первый раз мы поссорились...

В.Д.: Ну, потом уладили?

В.Ш.: Уладили.

В.Д.: А это второй? Но неужели из-за такого пустяка...

В.Ш.: Вы знаете, она Володе говорила...

(Запись обрывается)

Отношения Маяковского с Бурлюком и Пастернаком

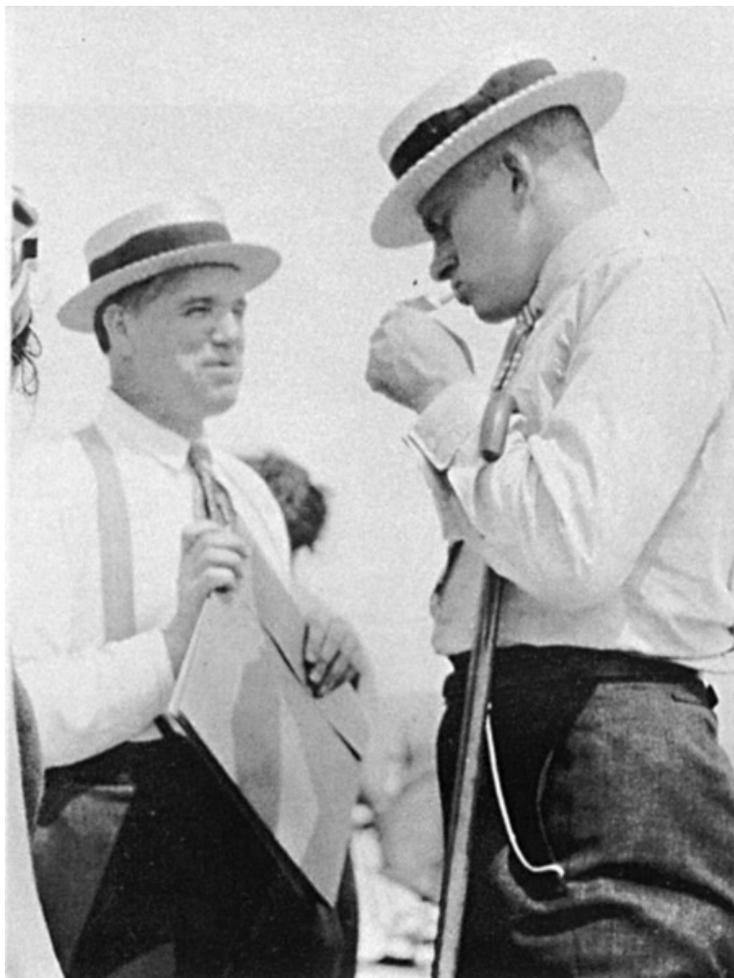
В.Д.: Виктор Борисович, вот вы охарактеризовали и Хлебникова, и Бурлюка. Но вот мне хотелось бы задать несколько таких уточняющих вопросов в отношении соотношения их. Вот Маяковский пишет: «Прекрасный Бурлюк»*. Вот вы их много наблюдали. Что бы вы могли сказать об их отношениях? Ведь люди-то уж очень разные, и не только... тут и отношение Маяковского к Бурлюку, и отношение Бурлюка к Маяковскому.

* Название главки в автобиографии Маяковского «Я сам» (1922; 1928). См.: Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. С. 20.

В.Ш.: Видите, Бурлюк... Я /нрзб./, как говорят, по стертой дорожке... Я его узнал давно, а теперь я его встречал несколько раз, уже американского Бурлюка*. Нужно сказать, что он держал себя относительно довольно прилично, то есть он издавал «Новый путь»**, и когда надо было устроить какой-то съезд с нашим приездом, советских людей, то он дал денег на это. Нужно было дать деньги так, чтобы они исходили из Америки. Он, Бурлюк, очень любил Маяковского, очень любил. Он для него... Ну, Бурлюк – антрепренер.

* С 1922 г. Давид Бурлюк жил в США. Дважды, в 1956 и в 1965 гг., приезжал в СССР.

** Вместе с женой, Марией Никифоровной, Давид Бурлюк издавал в США журнал «Color and Rhyme» («Цвет и рифма») (1930–1966. № 1–60). В 1932 г. они выпустили посвященный Маяковскому сборник «Красная стрела».

Маяковский с Д.Д. Бурлюком. Раковой-бич, 1925. А7 Алланд. © Государственный музей В.В. Маяковского

В.Д.: Антрепренер?

В.Ш.: Антрепренер.

В.Д.: Значит, я тут не ошибся. Вот это я и хотел...

В.Ш.: Антрепренер, который любил Маяковского и который открыл Маяковского, поверил Маяковскому. Он был Симоном Богоприимцем*. И Маяковский, как верный друг, никогда этого не мог ему забыть. Но...

* Симеон Богоприимец – благочестивый праведник, возгласивший явление Спасителя. Святой Дух предсказал Симеону, что он не умрет, пока не увидит Господа, и направил Симеона в храм, когда родители Иисуса принесли туда Младенца. Симеон принял Его на руки и сказал: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром...» (Евангелие от Луки. 2, 29).

В.Д.: Так вот, художественно... их эстетика, по-моему, все-таки ведь очень различна.

В.Ш.: Да, да, но Бурлюк не пустое место.

В.Д.: Ну конечно!

В.Ш.: Это воля, воля, художник, профессиональный художник. Как снег на горах остается, особенно за забором, так старый футуризм остался у Давида Бурлюка. Все ушло, а он такой !?! Он в этом отношении напоминает, скажем, Крулченыха. Ну, Крулченых был голяк и бедняк, а тот – обеспеченный американец, который умеет рисовать, умеет достать деньги.

В.Д.: Предприниматель.

В.Ш.: Предприниматель. Но хороший предприниматель. Ну еще вот с Хлебниковым...

В.Д.: Нет, минуточку, а вот вы их наблюдали вместе?

В.Ш.: Наблюдал.

В.Д.: Это, что же, были отношения равных или Бурлюк был как старший?

В.Ш.: Равных скорее, равных, конечно.

В.Д.: Он его открыл, открыл и, так сказать, как бы поставил на него ставку – и выиграл.

В.Ш.: Поставил ставку. И он был тем человеком, который передал Маяковскому принципы левой живописи и помог ему создать его, Маяковского, новую поэтику, превращенную: что писать надо грубо... Вот эти первые манифесты, в них бурлюковский голос.

В.Д.: Ну, манифест они вообще составляли вместе*.

* Имеется в виду вступительный манифест к «Пощечине общественному вкусу». О том, как он сочинялся, см.: Алексей Крученых. Наш выход. С. 46–47.

А если сегодня мне, грубому гунну...*

* Из стихотворения Маяковского «Нате!» (1913). См.: Полное собрание произведений: в 20 т. Т. 1. С. 28.

В.Ш.: Да. Так что вот он такой человек. А брат его неинтересный*.

* Речь о поэте и прозаике Николае Бурлюке (см. примечание выше).

В.Д.: Неинтересный?

В.Ш.: Неинтересный. Но это талантливый человек – <Давид> Бурлюк.

В.Д.: Но он, конечно, по своему типу в этой снобистской среде был больше своим.

В.Ш.: Больше своим, да, потому что он предприниматель. Он мог бы водить бродячий цирк (*Дувакин ухмыляется*), понимаете, а тут водил Маяковского. Но он демократичен в этом отношении. Он едет, он приезжает в Крым, рисует картины все время, переезжает...

В.Д.: Трудящийся.

В.Ш.: Да, трудящийся, американский трудящийся, деляга, который никого не эксплуатирует, но... издает там «Свирель сабвея»* и дерет с бедных американских русских по двадцать пять долларов за то, чтобы их печатали. Ну, он предприниматель. Ну, вот, так что... /нрзб./ небольшое.

* Давид Бурлюк принял участие в издании двух альманахов Кружка пролетарских писателей в Северной Америке (отделения Всероссийского союза крестьянских писателей): «В плену небоскребов» и «Свирель сабвея» (оба: Нью-Йорк, 1924).

А Хлебников... Хлебникова он уважал очень. И Хлебников его ценил. Когда он встретился с этим... Игорем Северянином в Берлине, то Игорь Северянин у него попросил денег*...

* В 1922 г. Маяковский месяц (с середины октября до 18 ноября) прожил в Берлине. 20 октября на первом же его выступлении (в кафе «Леон») присутствовал только что приехавший из Эстонии Игорь Северянин. А на вечере в советском полпредстве 7 ноября они читали стихи оба. В воспоминаниях, написанных в 1941 г., Северянин сообщает, что ходил на все выступления Маяковского в Берлине. Значит, мог быть и на докладе Шкловского «Литература и кинематограф» в том же кафе «Леон» 27 октября, где Маяковский участвовал в прениях.

В.Д.: У кого? У Маяковского?

В.Ш.: Да. Маяковский дал ему, но мало, хотя /нрзб./ Северянина. Они вместе работали. И Северянин не ноль, потому что, например, в Пастернаке есть Северянин, есть, в этой... в этой домашности, вот этот «пруд как подзеркальник...»*

* Как зеркало на подзеркальник, / Поставлен черный небосвод (Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. Т. 2. Спекторский; Стихотворения 1930–1959 / сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: Слово/Slovo, 2004. С. 110).

В.Д.: Прибой, как вафли, их печет*.

* Из стихотворения «Волны» (1931). См.: Там же. С. 50.

В.Ш.: Да. Это Игорь. Это был человек, это был человек великий. У Маяковского сложные отношения с революцией, которая его сделала, которая его делала, а тот – маленький человек, маленькая душа... И если говорить по этому поводу, то вот вторые воспоминания Пастернака, они плохие*.

* Речь об автобиографическом очерке Бориса Пастернака «Люди и положения» (весна 1956, ноябрь 1957).

В.Д.: Да, обидные.

В.Ш.: Обидные. Почему? Прежде всего из-за неправды, потому что он говорит то, что он не написал в первый раз*. Потом. Настоящая история Пастернака, пастернаковского христианства следующая.

* Сразу после смерти Маяковского – в «Охранной грамоте» (1931) – Пастернак не позволил себе критиковать его агитационную поэзию, как в позднейшем очерке («эти неуклюже зарифмованные прописи, эта изощренная бессодержательность, эти общие места и избитые истины, изложенные так искусственно, запутанно и неостроумно»). См.: Там же. Т. 3. Проза / сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. С. 336.

Маяковский с Л.Ю. Брик и Б.Л. Пастернаком. Москва, 1924. 11 мая. © Государственный музей В.В. Маяковского

(Перерыв в беседе, разговоры, смех.)

Делали роспись Храма Христа Спасителя...

В.Д.: *(удивленно)* При Маяковском делали?

В.Ш.: Нет. При Пастернаке. И Пастернак, Леонид Пастернак*... Ему: «Вы образы пишете..., – сказали, – нам очень сложно, что вы это пишете нам, потому что вы иноверец. А нам потом придется церковь святить специально».

* Леонид Осипович Пастернак (1862–1945) – отец Бориса Пастернака; художник и педагог, преподаватель Училища живописи, ваяния и зодчества (1894–1921), академик живописи (1905). С 1921 г. в эмиграции.

В.Д.: Подождите-ка, ведь отец же его не был... он принял...

В.Ш.: Еврей.

В.Д.: Еврей, но крещеный.

В.Ш.: Его окрестили после того, как он расписал.

В.Д.: Леонида?

В.Ш.: Леонида*.

* Слухи о крещении Л.О. Пастернака не находят подтверждения.

Таким образом, это еврейское семейство, очень явно выраженное, с еврейской невежливостью к детям, с еврейской невежливостью, совершенно патриархальной: мама могла войти к сыну, не постучавшись, хотя у него сидят чужие... Ну, а Пастернак делает свою биографию на Андрея Белого, на Марину Цветаеву, на русскую интеллигенцию, такую, которая... как бы сказать?... снимает оригинальность своего происхождения. Он москвич, его... он эгофутурист... Бобров*...

* Сергей Павлович Бобров (1889–1971) – поэт, литературный критик, переводчик, стиховед. Возглавлял московскую футуристическую группу «Центрифуга», созданную в 1914 г., и одноименное издательство. Борис Пастернак входил в эту группу, а в издательстве «Центрифуга» выпустил книгу «Поверх барьеров» (1917).

В.Д.: «Центрифуга».

В.Ш.: «Центрифуга», да.

В.Д.: Футуристы – это «Петербургский глашатай»*.

* «Петербургский глашатай» – это газета (1912. 12 февраля – 15 ноября. № 1–4) и издательство (1912–1914), выпустившее 9 альманахов и несколько книг. И газета, и издательство были основаны главой эгофутуристов Иваном Васильевичем Игнатъевым (1892–1914).

В.Ш.: «Петербургский глашатай», да.

В.Д.: «Центрифуга» – это что-то близкое к символистам*.

* Первой книгой, изданной в «Центрифуге», был сборник «Руконог», посвященный памяти Игнатъева. Так группа Боброва продемонстрировала свою преемственную связь с группой петербургских эгофутуристов. Однако основные участники «Центрифуги» (Бобров, Пастернак, Николай Асеев) пятью годами раньше прошли через Кружок для исследования проблем культуры, которым руководил один из теоретиков символизма Эллис (Лев Львович Кобылинский; 1879–1947).

В.Ш.: Да. Но Пастернак (простите, это мое мнение)... в нем есть нечто мещанское, как и у Игоря Северянина. Когда он пишет «Доктор Живаго», то когда он касается вопросов веры... Я, простите, родственник Иоанна Кронштадтского по материнской линии, и хорошо знаю Библию и Евангелие. Он там не был, он не знает, в чем дело. В конце концов, это либеральное христианство вне сект, и это для противопоставления большевизму ничтожно.

В.Д.: Это интересно.

В.Ш.: Это мое мнение. Понимаете, вот. Володя его очень любил.

В.Д.: Простите, ваш отец тоже крещеный?

В.Ш.: Мой отец крещеный, а мама, значит, была Сергеева, ее... она... бабушка – Сергеева, а мать... отец Бундель, сын пастора венденского, который украл у дьякона дочку, убежал в Петербург и сделался садовником Смольного института.

В.Д.: Это вы описывали, да*...

* Ранее Шкловский описал свое происхождение так: «Виктор Шкловский родился от преподавателя математики Бориса Шкловского и от Варвары Карловны Шкловской, в девичестве Бундель. Отец ее Карл Бундель до конца своих дней не входил в русскую церковь, даже когда там отпевали его детей. Детей у него умирало много, и по закону они были православные (вероисповедание определялось по матери. – В. Р.). Бабушка со стороны матери прожила со своим мужем 40 лет и не научилась говорить по-немецки. Я тоже не говорю, что очень печально (это написано, когда автор жил в Берлине. – В. Р.). Карл Бундель по-русски говорил плохо. Хорошо знал латынь, но больше всего любил охоту. Итак, Варвара Карловна Бундель родилась в Петербурге от садовника Смольного института, сына Венденского пастора, Карла Бунделя, который, без разрешения родителей, 17 лет, женился на дочери одного диакона из Царского Села, Анне Севастиановне Каменноградской. Каменноградская же происходит от мастера гранильного завода. Двоюродный брат моей матери, Каменноградский, был диаконом при Иоанне Кронштадтском до конца его дней. Отец же мой, Борис Шкловский, по крови чистый еврей» (Виктор Шкловский. Сентиментальное путешествие: воспоминания. 1918–1923. Л.: Атены, 1924. С. 121–122).

В.Ш.: Да. А Сергеева... Сергеев, значит, был дьяконом потом у Иоанна Кронштадтского. По старому, по родству, когда у меня дочка... когда моя сестра* выходила замуж, имея уже трехлетнюю дочку, то мы поехали к отцу Иоанну. И он, значит, записывать стал своей властной рукой, как говорят: «Девушка Шкловская, первобрачная...» А она как курсистка говорит: «Батюшка, запишите, что у этой новобрачной

девицы есть трехлетняя дочка». Он говорит: «Барышня, что вы... вы меня удивляете. Я это запишу, скажу отцу. Он запишет через год, что у вас родилась дочка. Вы что, хотите ходить по канцеляриям и доказывать?» Понятно. Это был способ записывания: незаконные дети – они записывались позднее. И они, значит, /нрзб./ записаны. И это очень распространенный обычай был. Вообще, эти старые попы...

* Евгения Борисовна Шкловская (1890–1918). О ней Шкловский пишет: «Сестра моя Евгения была мне самым близким человеком, мы страшно похожи лицом, а ее мысли я мог угадывать. Отличал ее от меня снисходительный и безнадежный пессимизм» (там же, с. 66). У нее остались две девочки: Галя и Марина.

В.Д.: И вы были как раз при этом, да?

В.Ш.: Да.

В.Д.: И видели его?

В.Ш.: Видел, да. Я знал Холмского, Антония Волынского*. ...эти старые попы не то что были либералы, но они были... относились так, свободомысленно, что мы с Богом сговоримся. Это наше дело. Вы не лезьте со своими представлениями о таинствах, мы сами разберемся, это наше дело, а вы, так сказать....

* Очевидно, имеется в виду кто-то из иерархов Холмской епархии, преобразованной в 1905 г. и просуществовавшей до 1920 г. Митрополит Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий; 1863–1936) – архиепископ Волынский и Житомирский (1902–1914). С ноября 1920 г. возглавлял Русскую Православную Церковь за границей.

В.Д.: Так вот, вы об этом заговорили в связи с Пастернаком.

В.Ш.: Пастернак. У Пастернака очень книжное представление о христианстве, книжное представление. Там гениальные стихи, в «Докторе Живаго», но (замечательные вещи, как «Солнце подошло, как корова к изгороди»*), но концепции русской истории нет. Если бы не было глупости, что его запрещали и так далее, то оно бы прошло незаметно.

* По-видимому, пересказана фраза из «Доктора Живаго»: «Даже солнце, тоже казавшееся местной принадлежностьююпо-вечернему застенчиво освещало сцену у рельсов, как бы боязливо приблизившись к ней, как подошла бы к полотну и стала бы смотреть на людей корова из пасущегося по соседству стада» (Борис Пастернак. Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. Т. 4. Доктор Живаго: роман / сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М., 2004. С. 18).

В.Д.: Конечно. Там он собственно... «В тупике» Вересаева* вспоминается.

* Роман о трагедии интеллигенции в условиях Гражданской войны. Написан в 1922 г.

В.Ш.: Да, да-да.

В.Д.: Я с этим согласен.

В.Ш.: Это незначительная вещь. А он на это... Я с ним говорил два часа, прочитавши книжку. Он сказал: «Знаешь что, я с тобой совершенно согласен, но я ничего не изменю. А вот твоя проза мне (он говорит про Федотова*), она мне очень нравится. И даже не мне, а мои сыновья, уж на что дуболобы, и те понимают, что это хорошая проза». Ну вот, теперь что же?

* Имеется в виду «Повесть о художнике Федотове», над которой Шкловский работал в 1934 г. Вышла в свет в 1936 г. в Детиздате под этим названием и в издательстве «Советский писатель» под названием «Капитан Федотов». Неоднократно переиздавалась.

В.Д.: Мы говорим о Пастернаке.

В.Ш.: Пастернака он очень любил. Очень любил. И уход Пастернака из ЛЕФа был громадным ударом для ЛЕФа и Маяковского*, потому что... Асеев был любим...

* Письмо с заявлением о формальном выходе из ЛЕФа Пастернак направил в редакцию журнала «Новый ЛЕФ» 26 июля 1927 г.

В.Д.: Маяковским?

В.Ш.: Да. Но он меньший брат.

В.Д.: Хотя и старший*.

* Николай Николаевич Асеев (1889–1963) старше Пастернака на 7 месяцев.

В.Ш.: Хотя и старший. А Пастернак, как и Хлебников, – равные.

В.Д.: С моей точки зрения, Пастернак, конечно, меньше.

В.Ш.: По-моему, тоже. Я говорю... Конечно, меньше.

В.Д.: Сейчас ведь идет, в этом смысле, такая... сейчас идет принижение Маяковского с другой стороны.

В.Ш.: Да. Тут другая история. Теперь, Мандельштам*, как и Блок, необыкновенно высоко ставили Маяковского.

* Высокая оценка Маяковского Осипом Мандельштамом обычно выводится из его статьи «Выпад» (1924). Здесь Маяковский назван среди десяти здравствующих русских поэтов, которые «не на вчера, не на сегодня, а навсегда»: Кузмин, Маяковский, Хлебников, Асеев, Вячеслав Иванов, Сологуб, Ахматова, Пастернак, Гумилев, Ходасевич (Осип Мандельштам. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 2. Проза / сост. А. Г. Мец; подгот. текста и коммент. его же и др. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 149).

В.Д.: Мандельштам? Вот как! Как мне дорого, когда сходятся... Зенкевич то же самое говорил*...

* Об отношении Мандельштама к Маяковскому поэт Михаил Зенкевич (1886–1973) рассказывал в беседе с Дувакиным 19 апреля 1967 г.: «...он (Мандельштам. – В. Р.) говорил, что Маяковский больше, чем Пастернак. С тем еще можно состязаться, а с этим, говорит, нельзя состязаться. Вот, говорит, что-то громадное по лестнице идет, и я вижу – это идет Маяковский. Именно громадное идет, облако или туча какая-то». Отредактированный фрагмент этой записи приведен в кн.: Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / вступ. ст., подгот. текста, сост. и коммент. О.С. Фигурновой, М.В. Фигурновой. М.: Наталис, 2001. С. 26–31.

В.Ш.: Необыкновенно высоко ставил. И он говорил, что у Маяковского необыкновенное чувство времени.

Вы думаете, это бредит малярия?

Это было <...>

Восемь. Девять. Десять.*

* Из «Облака в штанах» (Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. С. 176).

Все это такое ощущение течения времени, которого ни у кого нет.

(Телефонный звонок.)

О Хлебникове

Видите... Ну, у Хлебникова есть... Хлебников... конечно, были такие вещи... Я вам расскажу вещь Хлебникова в глубокую тайну. Хлебников прочел в «Бродячей собаке» стихи, в которых было слово «Ющинский – 13», и посвященные Мандельштаму, то есть он обвинил Мандельштама в ритуальном убийстве. Мандельштам...

В.Д.: Простите, я не понял. «Ющинский – 13»? Это что же?

В.Ш.: Ющинский был человек по делу Бейлиса, там было тринадцать уколов, ритуальное число*.

* 12 марта 1911 г. в Киеве был убит 12-летний мальчик, ученик Киево-Софийского духовного училища Андрей Ющинский. 23 сентября – 28 октября 1913 г. прошел судебный процесс по обвинению в этом убийстве приказчика кирпичного завода, неподалеку от которого был найден труп, Менахема Менделя Бейлиса. Обвинение утверждало, что убийство носило ритуальный характер с целью получения христианской крови для приготовления мацы. Одним из главных признаков ритуального убийства объявлялось наличие тринадцати колотых ран на правом виске мальчика. Числу 13 придавался каббалистический смысл. И при первичном вскрытии тела, и при осмотре трупа по ходу следствия это число не подтвердилось (на виске ран оказалось 14, а всего на теле 47). В соответствии с вердиктом присяжных Бейлис был оправдан.

В.Д.: Ах, вот оно что! Вот она разница поколений. Даже, не помню.

В.Ш.: Да. Теперь так. Мандельштам вызвал Хлебникова! «Я как еврей, русский поэт считаю себя оскорбленным и вас вызываю...»

В.Д.: На дуэль?

В.Ш.: На дуэль.

В.Д.: Тогда еще были дуэли?

В.Ш.: Были дуэли. Я сам дрался на дуэли*. Ну, и другим секундантом должен был быть Филонов**. Мы встретились при Хлебникове. Павел Филонов сказал: «Я этого не допущу. Ты гений. И если ты попробуешь драться, то я буду тебя бить. Потом, это вообще ничтожно. Вообще, что это за ритуальное убийство?». А Хлебников сказал: «Нет, мне это даже интересно! Я думал всегда /нрзб/ футуриста соединить с каким-нибудь преступлением». Как Нечаев***. Филонов сказал, что это совершенно ничтожно. «Вот я занимаюсь делом: я хочу нарисовать картину, которая бы висела на стене без гвоздя». Тот говорит: «Ну и что она?» Он говорит: «Падает». – «Что же ты делаешь?» – «Я, – говорит, – неделю ничего не делаю. Но у меня уже похищает эту идею Малевич, который делает кубик, чтоб он висел в воздухе. Он подсмотрел. Он тоже падает».

* Об этой дуэли Шкловский рассказывает: «К весне <1921 г.> стрелялся с одним человеком» (Виктор Шкловский. Сентиментальное путешествие. С. 77). Дуэль состоялась из-за Надежды Филипповны Фридлянд (1899–2002), начинающей актрисы и поэтессы, участницы семинара Николая Гумилева. Шкловский продолжает: «Стрелялись в 15 шагах; я прострелил ему документы в кармане (он стоял сильно боком), а он совсем не попал» (там же, с. 79).

** Павел Николаевич Филонов (1883–1941) – художник, один из лидеров русского авангарда.

*** Сергей Геннадьевич Нечаев (1847–1882) – революционер-террорист, лидер «Общества народной расправы»; прототип Петра Верховенского в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» (1870–1872). Организовал убийство вышедшего из повиновения студента Иванова (в романе – Шатов), чтобы сплотить преступлением свою группу.

В.Д.: Это уже...

В.Ш.: Это сумасшествие. Вы не забывайте, что /нрзб./ были тоже сумасшедшие.

В.Д.: Что?

В.Ш.: Сумасшедшие мы были тоже.

В.Д.: Кто «мы»?

В.Ш.: Футуристы.

В.Д.: /нрзб./

В.Ш.: Да-да. Ну, мы, конечно, их помирили, а Хлебников сказал, что он был не прав, что сказал глупость.

В.Д.: Но Мандельштам его вызвал?

В.Ш.: Да, но Мандельштам Хлебникова страшно любил, так же, как Блок очень любил Маяковского. Видите, Маяковский – поэт непризнанный, неоцененный.

Об аресте Мандельштама и Пастернаке

В.Д.: Тогда?

В.Ш.: И сейчас. Именно сейчас, потому что он сейчас... он несет ответственность за все ошибки революции, потому что он продолжает существовать, а те люди умерли. И он, значит, несет ответственность, и, кроме того, он поэт, изучаемый в школе, поэтому он несет ответственность вместе с Пушкиным. /нрзб./ А он старший поэт времени, старший, по крайней мере, пятидесятилетия...

В.Д.: Конечно. Я считаю, может, столетия.

В.Ш.: Может, и столетия, может, и столетия. И он поэт новой любви, новой России, и будет понят скоро, ну, через десять лет.

В.Д.: Третье пришествие Маяковского будет.

В.Ш.: Да.

В.Д.: Два уже было*.

* Под вторым пришествием Маяковского подразумевается его многообразное и повсеместное внедрение после резолюции И.В. Сталина на письме Л.Ю. Брик – с конца 1935 г.

В.Ш.: А Пастернак превосходный поэт, превосходный поэт, больший, чем Кузьмин, Пастернак...

В.Д.: А как бы вы его сравнили с Мандельштамом?

В.Ш.: Я думаю, что Мандельштам больше, чем Пастернак, трагичнее. Трагичнее. Причем, когда Пастернак говорит, что он написал Сталину, чтоб он освободил его от должности первого поэта*, то он, очевидно, считает, что есть должность, которая зависит от кого-то. Он не сталинист, но он учитывает позицию правительства, и он переписывался со Сталиным, перезванивался и не защитил Мандельштама. Вы это знаете?

* В письме Сталину (конец декабря 1935) Пастернак писал: «В заключение горячо благодарю Вас за Ваши недавние слова о Маяковском. Они отвечают моим собственным чувствам, я люблю его и написал об этом целую книгу. Но и косвенно Ваши строки о нем отозвались на мне спасительно. Последнее время меня, под влиянием Запада, страшно раздували, придавали преувеличенное значение (я даже от этого заболел); во мне стали подозревать серьезную художественную силу. Теперь, после того, как Вы поставили Маяковского на первое место, с меня это подозрение снято, и я с легким сердцем могу жить и работать по-прежнему, в скромной тишине, с неожиданностями и таинственностями, без которых я бы не любил жизни» (Борис Пастернак. Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. Т. 9. Письма 1935–1953 / сост. и коммент. Е.В. Пастернак и М.А. Рашковской. М., 2005. С. 62). Это письмо при жизни Шкловского не печаталось, но, возможно, он знал о нем от самого Пастернака, потому что в пастернаковском пересказе письма в очерке «Люди и положения» (Новый мир. 1967. № 1) слов про «первое место», которые могли трансформироваться в слова о «должности первого поэта», нет (см.: Там же. Т. 3. С. 237).

В.Д.: Нет. Не защитил?

В.Ш.: Да. Сталин позвонил Пастернаку, сказал: «Что говорят об аресте Мандельштама?» Это мне рассказал сам Пастернак. Тот смутился и сказал: «Раз уж вы мне позвонили, то давайте говорить об истории, о поэзии». – «Я спрашиваю, что говорят об аресте Мандельштама». Он что-то еще сказал. Тогда Сталин ему сказал, что «если бы у меня арестовали товарища, то я лез бы на стенку». Тогда тот ему сказал: «Иосиф Виссарионович, если вы ко мне звоните об этом /нрзб./». На это Сталин ему сказал: «Я думал, что вы великий поэт, а вы великий фальсификатор», – и повесил трубку*.

* Обзор и анализ «самых известных» двенадцати версий этого телефонного разговора, включая и версию Шкловского, содержится в книге Бенедикта Сарнова «Сталин и писатели» (Кн. 1. М.: Эксмо, 2010. С. 245–272). Версия Шкловского изложена (по публикации в книге «Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников») на с. 252–253.

В.Д.: Да что вы?!

В.Ш.: Да.

В.Д.: Вообще это о Сталине говорит неплохо.

В.Ш.: Неплохо. Это страшно. Мне рассказывал Пастернак – и плакал.

В.Д.: Значит, он просто растерялся.

В.Ш.: Растерялся. Он бы мог попросить: «Отдайте мне этого человека, я /нрзб./» Тот бы отдал /нрзб./ должен быть добрым.

В.Д.: Ему иногда, надо было...

В.Ш.: Конечно... А тот растерялся. И это его сделало... необходимым для него делать героические шаги, чтобы оправдать себя в своих глазах.

В.Д.: Возможно.

В.Ш.: Вот такая, понимаете, история.

В.Д.: Да-а-а...

В.Ш.: А Маяковский был необыкновенно... необыкновенно хорошим товарищем.

В.Д.: Он был цельным.

В.Ш.: Да.

Отношение Маяковского к Мандельштаму

В.Д.: Так, это мы говорили о, так сказать, отношениях с разными лицами. Маяковский ведь очень любил Пастернака... А к Мандельштаму как он относился?

В.Ш.: Он не любил его. Ведь Хлебников называл Мандельштама, первого периода, «мраморной мухой». Очень удачно. Мраморная, но муха. Но он не знал позднего Мандельштама. А Маяковский, когда я раз выступал о Мандельштаме, сказал: «Что ты говоришь? Ты вот так говорил, что сто человек купит его книги. Так не надо делать. Не надо пропагандировать людей, которые нам враждебны».

В.Д.: Это кто говорит?

В.Ш.: Маяковский, враждебный к ЛЕФу*. Он был партийный человек.

* Т. е. Маяковский говорит о Мандельштаме, который враждебно относится к ЛЕФу.

В.Д.: Да.

В.Ш.: Но, я думаю, что он не понимал Мандельштама. Больше того, самый сильный Мандельштам – последнего пятилетия: «Мне на плечи кидается век-волкодав...»* и так далее, когда он поднял тяжесть**.

* Из стихотворения «За гремучую доблесть грядущих веков...» (17–28 марта 1931). См.: Осип Мандельштам. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. М., 2009. Т. 1. С. 156.

** Фрагмент этой беседы от вопроса Дувакина о том, что такое «Ющинский – 13», и до сих пор выборочно приведен в книге «Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников» (с. 47–49).

В.Д.: Он не знал этого.

В.Ш.: Он знал «Камень»*.

В.Д.: Да.

* «Камень» – первый сборник Мандельштама, вышедший в 1913 г. и переизданный в 1916 и 1923 гг. Охватывает стихи 1908–1915 гг.

Об отношениях Маяковского и Асеева

В.Ш.: Еще кого вам надо?

В.Д.: Асеев.

В.Ш.: Асеев. Асеев тоже не совсем понятый поэт. Видите, Асеев маленький человек. Он грызун, который хочет... хотел денег. Скупой человек.

В.Д.: Да.

В.Ш.: Маяковский щедрый человек. Но у Асеева чудный язык, чудное чувство языка, чудное ощущение движения слова. Но у него нет общестихотворной композиции стихотворения в целом. Его можно разгадать в движении двух строк.

В.Д.: Он быстро устаревают.

В.Ш.: Он быстро устает, когда пишет стихи. Но у него будет... не возвращение, а у него будет помещение его в ходе истории. Он будет помещен в ход истории. У него есть для этого основания.

В.Д.: А, ну да. Но не самостоятельной главой.

В.Ш.: Нет, вероятно, вероятно.

В.Д.: А Маяковский действительно очень был к нему привязан?

В.Ш.: Привязан. Он вообще людей любил. Он был привязан.

В.Д.: Он привязывался к людям больше, чем они к нему.

В.Ш.: Выходит так.

В.Д.: Ведь все-таки Асеев не очень хорошо себя держал с ним. Вот и с выставкой, то, се*. Как-то это всё... Но это отдельная тема.

* С Николаем Николаевичем Асеевым Маяковского связывали давние приятельские отношения. Но с конца 1929 г. они были в ссоре. Много лет спустя Асеев обнаружил свои объяснения: «В последний раз я видел его живым в пятницу 11 апреля. Надо сказать, что незадолго перед тем между нами была первая и единственная размолвка – по поводу его ухода из Рефа в РАПП, без предварительной договоренности с остальными участниками его содружества. Нам казалось это недемократичным, самовольным: по правде сказать, мы сочли себя как бы брошенными в лесу противоречий. Куда же идти? Что делать дальше? И ответственность Маяковского за неразрешенность для себя этих вопросов огорчала и раздражала. <...> Так вот, все бывшие сотрудники Лефа, впоследствии отсеченные им в Реф, взбунтовались против его единоличных действий, решив дать понять Маяковскому, что они не одобряют разгона им Рефа и вступления его без товарищей в РАПП. <...> В последнее время нам казалось, что Маяковский ведет себя заносчиво, ни с кем из товарищей не советуется, действует деспотически. Ко всему этому положение между ним и целой группой его сотрудников было обостренное. <...> мне очень хотелось к Маяковскому, но было установлено не потакать его своеволию и не видаться с ним, покуда он сам не пойдет навстречу. Близкие люди не понимали его душевного состояния. Устройству его выставки никто из лефовцев не помог. Так создалось невыносимое положение разобщенности» (Н.Н. Асеев. Воспоминания о Маяковском // В. Маяковский в воспоминаниях современников / вступ. ст. З.С. Паперного; сост., подгот. текста и примеч. Н.В. Реформатской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. С. 395–397).

Ну, Виктор Борисович, раз мы невольно немножко перешли на такую чуть-чуть теоретическую часть, то я вам хочу один обобщающий вопрос задать. Как вы теперь, в 1967 году, относитесь к тому, что высказал покойный друг ваш Тынянов в статье «Промежуток»?*

* В посвященной Борису Пастернаку статье «Промежуток» (Русский современник. 1924. № 4) Юрий Тынянов констатировал, что проза победила поэзию. «Место поэтов, отступавших в некоторой панике, сполна заняли прозаики» (см.: Ю.Н. Тынянов. Поэтика; История литературы; Кино / предисл. В. Каверина; подгот. Е.А. Тоддеса, А.П. Чудакова, М.О. Чудаковой. М.: Наука, 1977. С. 168). Однако то, что сейчас кажется тупиком, в истории всего лишь промежуток. И автор показывает, как идут через этот промежуток Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Велимир Хлебников, Борис Пастернак и другие поэты.

В.Ш.: Я думаю, что тогда Юрий Николаевич был не прав. Совершенно...

В.Д.: Мне тоже так кажется. Мне хотелось себя проверить.

В.Ш.: Совершенно не прав.

В.Д.: Есенин и Маяковский, в промежутке – Хлебников.

В.Ш.: Да, это наверно. Маяковский, понимаете, ли... Может, он бы еще был великим прозаиком.

В.Д.: Да.

В.Ш.: У него проза хорошая. Настоящая проза. И я считаю, что Маяковского... решила его судьбу поэма «Во весь голос». Он не решился бы умереть в упадке. Он очень устал. Он был не согласен. Но ему нужно было умереть, но он не мог бы умереть побежденным.

В.Д.: С чем не согласен?

В.Ш.: С ходом...

В.Д.: Истории? Уже?

В.Ш.: Да. А ему надо было умереть героем. Он написал «Во весь голос», показавши сохраненного человека, вдохновенного человека, и умер, обставив место своей гибели фонарями и давши ложный адрес гибели – любовный.

В.Д.: А вы считаете, что это адрес ложный?

В.Ш.: Ложный. Видите, почему? Полонская – это совсем ложный адрес, потому что Полонская была ему рекомендована Лилей*. Лиля давала такие... в заместители семьи, немножко сводничала, вот она Брюханенко**... это ее... А это, а это, значит, нельзя любить. Он... его обидела Лиля. Он хотел взять Яковлеву. Я ее не видал, но она очень красивая женщина, может, большой человек. Теперь, и... Полонская, которую он тоже полюбил... Ему надо было «ночью звон свой спрятать»***, он был обременен сердцем. Ему некуда было положить сердце. А вот это такая трагедия.

* С Вероникой Витольдовной Полонской (1908–1994), начинающей актрисой МХАТа, женой (с 1926 по 1934) актера того же театра Михаила Михайловича Яншина (1902–1976), Маяковский познакомился 13 мая 1929 г. Лиля Брик знала ее раньше – по съемкам фильма «Стекло в глаза» (см. примечание 286). Этим отношениям не препятствовала. По-видимому, считала их преходящими.

** С Натальей Александровной Брюханенко (1905–1984) Маяковский познакомился в 1926 г. Летом следующего года пригласил ее к себе в Ялту. 13 августа она выехала из Москвы в Севастополь, а уже 17-го Лиля Брик написала ему: «Ужасно крепко тебя люблю. Пожалуйста, не женись всерьез, а то меня все уверяют, что ты страшно влюблен и обязательно женишься!» (Бенгт Янгфельдт. Любовь это сердце всего. С. 167). В 1928 г. на вопрос Брюханенко «Так почему же вы мне не говорите, что вы меня любите?» Маяковский ответил: «Я люблю Лилю. Ко всем остальным я могу относиться только хорошо или ОЧЕНЬ хорошо, но любить я уж могу только на втором месте. Хотите – буду вас любить на втором месте?» (Наталья Брюханенко. Пережитое // Имя этой теме: любовь! современницы о Маяковском / сост., вступ. ст., коммент. В.В. Катаняна. М.: Дружба народов, 1993. С. 200). Естественно, она отказалась.

*** Цитата из «Облака в штанах». В поэме: Ночью хочется звон свой / спрятать в мягкое / в женское (Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: 13 т. Т. 1. С. 176).

В.Д.: (проверяет, сколько осталось магнитной пленки) Так, тут уже на финише, поэтому новую тему нам начинать не надо, чтоб не оборвалась на полуслове. У нас так шло...

В.Ш.: У Полонской был потом роман с Осипом Мартыновичем Бескиным. А у нее был... Дети ее сгорели, это вы знаете?

В.Д.: Нет.

В.Ш.: Она вышла замуж за человека, который делал воротнички, переделывая их из старых голландских простыней. Для этого он их... У нее было от него двое детей... А он белье чистил бензином. Произошел пожар (недалеко от площади Маяковского теперь) – двое детей угорело. Так что это было все очень страшно. Я это не от нее слышал*. А мемуары Полонской написаны в сообществе с Ардовым**.

* После развода с Яншиным, с 1934 по 1939 г., мужем Полонской был администратор Театра им. Вс. Мейерхольда, а затем Ростовского театра драмы, где в 1936–1940 гг. работала и Вероника Витольдовна, Валерий Александрович Азерский (умер в 1957). Одно время он действительно жил недалеко от Триумфальной площади (в 1935–1992 площадь Маяковского) – на Садовой-Каретной улице (д. 7, кв. 16). В 1936 г. у них родился сын Владимир, которого усыновил третий муж Полонской – актер Ростовского театра драмы, а затем Театра им. Ермоловой Дмитрий Павлович Фивейский. Владимир – единственный родной сын Вероники Витольдовны. Но вместе с ним в семье рос и сын Фивейского от предыдущего брака Федор Фивейский (р. 1931) – впоследствии известный скульптор. Сын Полонской, Владимир Фивейский, – автор книги «Нора: последняя любовь Маяковского» (М.: Сканрус, после 2008), в которой воспроизведена рукопись воспоминаний его матери.

** Виктор Ефимович Ардов (1900–1976) – писатель-юморист. Его женой (с 1933) была актриса Нина Антоновна Ольшевская (1908–1991), близкая подруга Полонской. Мемуары Полонской написаны в 1938 г. Авторская рукопись – это две общие тетради (111 с. и 73 с.). Первая датирована августом, вторая декабрем. Свои записи о Маяковском Полонская прочитала Ардову 24 августа 1938 г. и попросила отредактировать их. «...Я пришел в такое волнение, что по окончании чтения не смог некоторое время разговаривать», – записал Ардов на следующий день. Оценив эти воспоминания как «редкий пример искренности в мемуарах», он «решил возможно меньше править то, что написала Нора» («В том, что умираю, не вините никого?». С. 528).

В.Д.: Виктор Борисович, поскольку вы просили вас уже больше не утомлять (чувствуется, что вы действительно очень утомлены), я очень прошу прощения, что вас так задержал. Ну, мы на этом сейчас закончим и продолжим, когда вы еще выберете время, как вы обещали, через неделю – две. Ну, большое вам спасибо.